

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-4-617-652

EDN NZRLOR

УДК 330.341.1 (8–15)

Научная статья / Research article

Механизмы и детерминанты лидерства стран Испаноамерики: сравнительный анализ траектории развития

Е.В. Карпина , А.А. Воропай , Г.М. Татьянкин *НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация* ekarpina@hse.ru

Аннотация. Исследование сочетает макроэкономический и институциональный подходы, раскрывая внутренние механизмы формирования регионального лидерства и восполняя существующий пробел в академической литературе, где нередко преобладают либо локальные кейс-стади, либо обобщенные макроэкономические подходы, не раскрывающие внутренних механизмов устойчивого лидерства. Представлен сравнительный анализ факторов и механизмов развития ведущих государств испаноязычной части Латинской Америки в период 1990–2023 гг. с учетом влияния глобальных экономических и политических событий. Исследованы траектории развития пяти стран-локомотивов (Мексики, Аргентины, Чили, Перу и Колумбии), которые демонстрируют устойчивый экономический прогресс, политическое влияние, демографическую значимость и роль в международных делах. В качестве методологической основы использована адаптированная модель Р. Далию, дополненная авторским подходом к структурной оценке семи институциональных факторов: уровня образования, внешней торговли, инновационно-технологической активности, военного потенциала, конкурентоспособности, развитости финансовой инфраструктуры и промышленного производства. Анализ базировался на ретроспективных количественных индикаторах и качественных параметрах, включая нормативно-правовые реформы, политико-экономические преобразования и степень вовлеченности в международные альянсы. Выбор стран обусловлен институциональной сопоставимостью, схожими условиями начала реформ 1990-х гг., а также доступностью надежных и воспроизводимых данных. Исключение Венесуэлы обосновано методологически: страна демонстрирует аномальную траекторию развития и дефицит верифицируемой статистики. В ходе анализа выявлены ключевые детерминанты, определяющие потенциал стран для развития траектории лидерства в изученном регионе: образование (особенно в Аргентине и Чили), международная торговля (в Мексике и Чили) и промышленное производство (Мексика как лидер в этом секторе). При этом такие параметры, как наличие глобальных финансовых центров и резервной валюты, остаются слабыми звеньями в развитии региона, в то время как военная составляющая сохраняет

© Карпина Е.В., Воропай А.А., Татьянкин Г.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

значение преимущественно в странах с историческими внутренними конфликтами, как, например, в Колумбии. Полученные результаты могут применяться для построения общей картины траекторий развития государств Испаноамерики, а также для разработки стратегий устойчивого роста, ориентированных на усиление позиций стран региона в глобальной системе.

Ключевые слова: экономическое развитие, эндогенный рост, Латинская Америка, методология развития лидерства, ресурсный потенциал

Вклад авторов. Карпина Е.В. — концепция и дизайн исследования, написание текста; Воропай А.А. — анализ полученных данных, написание текста; Татьянкин Г.М. — сбор и обработка материалов. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 21 мая 2025 г.; доработана после рецензирования 30 июня 2025 г.; принята к публикации 14 августа 2025 г.

Для цитирования: Карпина Е.В., Воропай А.А., Татьянкин Г.М. Механизмы и детерминанты лидерства стран Испаноамерики: сравнительный анализ траектории развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 4. С. 617–652. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-4-617-652> EDN: NZRLOR

Mechanisms and determinants of leadership in Hispano-American countries: a comparative analysis of development trajectories

Elena V. Karpina , Andrei A. Voropai , Georgiy M. Tatyankin

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

 ekarpina@hse.ru

Abstract. This study presents a comparative analysis of the factors and mechanisms driving the development of leading Spanish-speaking Latin American countries over the period 1990–2023, with attention to the influence of global economic and political dynamics. The study focuses on five key countries — Mexico, Argentina, Chile, Peru, and Colombia — which demonstrate relatively stable economic performance, political influence, demographic weight, and active engagement in international affairs. Methodologically of the study is based on an adapted version of Ray Dalio’s model, enhanced by an original structural framework for assessing seven institutional factors: the level of education, foreign trade volume, innovation and technological capacity, military potential, competitiveness, financial infrastructure, and industrial output. The research employs a mixed-methods approach, combining retrospective quantitative indicators with qualitative variables, such as institutional reforms, politico-economic transformation, and involvement in international alliances. The selection of countries is justified by their structural comparability, similar starting conditions in the 1990s, and the availability of consistent and verifiable statistical data. Venezuela is deliberately excluded from the sample due to its atypical developmental trajectory and lack of reliable macroeconomic data since the mid-2010s, which undermines the reproducibility and validity of comparative analysis. The analysis identifies education (particularly in Argentina and Chile), international trade (especially in Mexico and Chile),

and industrial development (with Mexico as the regional leader) as key determinants of long-term leadership. In contrast, the absence of global financial centers and reserve currencies remains a developmental weakness, while military capacity continues to play a significant role only in conflict-prone countries such as Colombia. The findings contribute to the academic understanding of regional leadership in Latin America and provide a foundation for policy strategies aimed at fostering sustainable growth and enhancing the international standing of Hispano-American states.

Keywords: economic development, endogenous growth, Latin America, methodology for leadership development, resource capacity

Authors' contribution. Karpina E.V. — the concept and design of the study, writing the text; Voropai A.A. — analysis of the received data, writing the text; Tatyankin G.M. — collection and processing of materials. All authors approved the initial version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interests.

Article history: received 21 May 2025; revised 30 June 2025; accepted 14 August 2025.

For citation: Karpina, E.V., Voropai, A.A., & Tatyankin, G.M. (2025). Mechanisms and determinants of leadership in Hispano-American countries: A comparative analysis of development trajectories. *RUDN Journal of Economics*, 33(4), 617–652. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-4-617-652> EDN: NZRLOR

Введение

Развитие ведущих государств оказывает значительное влияние на формирование структурных особенностей мировой экономики как единой системы. Исследование механизмов и факторов, способствующих укреплению позиций стран-лидеров, приобретает особую актуальность в условиях растущей взаимозависимости национальных экономик и перехода к многополярной модели международных отношений. Латиноамериканский регион, в частности испаноязычные государства, представляют особый интерес в этом контексте благодаря наличию ряда стран с устойчивой динамикой социально-экономического роста, а также потенциалом формирования новых центров силы на глобальном уровне. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли стран Глобального Юга в условиях перехода от однополярной к многополярной системе международных отношений. Испаноамериканские государства, несмотря на историческую периферию в мировой экономике, демонстрируют растущую способность влиять на глобальные процессы через участие в международных институтах, развитие экспортноориентированных отраслей и внедрение инноваций.

Цель исследования — проанализировать трансформацию лидерских позиций пяти ключевых испаноамериканских стран в период с 1990 по 2023 г. В фокусе анализа находятся семь взаимосвязанных факторов социального и экономического развития, оказывающих влияние на устойчивость и конкурентоспособность государств в международной системе. Выбор стран осно-

ван на совокупности показателей, отражающих их значимость в региональном и глобальном контексте, включая уровень ВВП на душу населения, темпы роста, инновационный потенциал и внешнеполитическую активность.

Сравнительный анализ направлен на выявление индивидуальных и общих черт траекторий развития исследуемых государств, а также на определение тех детерминант, которые способствуют формированию и поддержанию лидерства в условиях глобальной трансформации. Учет комплексных факторов лидерства позволил не только более точно оценить позиции отдельных стран, но и сформировать основу для прогностических сценариев развития региона в долгосрочной перспективе.

Теоретико-методологические основы работы

Исследование основано на междисциплинарной интеграции теоретических подходов, включающих школы международных отношений (структурный реализм и либерализм), геэкономике, а также модель циклов силы Р. Далио (Dalio, 2021). Объединение этих концептов осуществлено в рамках системного подхода, предполагающего функциональное распределение аналитических задач: структурный реализм использован для оценки значимости военно-политической мощи и устойчивости государства в анархичной международной системе (Mearsheimer, 2001; Rojas, 2015); либеральная парадигма — для анализа институционального взаимодействия и роли международных организаций в снижении транзакционных издержек (Keohane, 1984; Ikenberry, 2009; Keohane et al., 2001); геэкономике — для изучения инструментов экономического давления и конкурентоспособности (Luttwak, 1990; Frankel, 2010; Rodrik, 2011); модель циклов силы Р. Далио — как аналитическая рамка, выявляющая взаимосвязь между внутренними и внешними факторами национального лидерства в исторической динамике (Dalio, 2021). Такой подход позволяет выйти за рамки одной парадигмы и рассматривать лидерство как комплексное явление, формируемое под воздействием институциональных, экономических, технологических и политических детерминант (Acemoglu, Robinson, 2012; Schneider, 2013; Miriam, 2020; Nye, 2004).

С учетом данного теоретического и концептуального разнообразия в исследовании акцент сделан на следующих ключевых направлениях. Так, представители классической и структурно-реалистической школ международных отношений подчеркивают значимость государственной мощи и стремления к максимизации относительных выгод как условий выживания в анархичной международной системе (Mearsheimer, 2001; Weyland, 2004). Геополитический подход (Mackinder, 1904; Spykman, 2007) фокусирует внимание на стратегическом значении географического положения, природных ресурсов и пространственных характеристик в формировании глобального влияния государства. В свою очередь, сторонники геэкономического подхода (Luttwak, 1990) рассматривают экономические инструменты как средство достижения внешнеполитических целей и перераспределения глобаль-

ной власти (Frankel, 2010; Rodrik, 2011). В основе либеральной парадигмы в международных отношениях лежит возможность институционализированного взаимодействия между государствами, выступающего катализатором устойчивого роста (Keohane, Nye, 2001; Ikenberry, 2009). Так, Р. Кеохейн подчеркивает важность долгосрочного сотрудничества в рамках международных организаций, способствующего достижению абсолютных выгод за счет снижения транзакционных издержек и минимизации политических противовесов (Keohane, 1984). В этом контексте такие элементы, как система образования, международная торговля, научные разработки и технологические инновации, рассматриваются в качестве ключевых детерминант устойчивого развития и формирования лидерства государств на мировой арене (Acemoglu, Robinson, 2012; Miriam, 2020; Nye, 2004).

В качестве теоретической базы проведенного нами исследования была положена работа Р. Далио, которая представляет собой один из наиболее современных и всесторонних анализов факторов, определяющих развитие государств в долгосрочной исторической перспективе, а именно динамики развития четырех исторических держав: голландской, британской, американской и китайской. Р. Далио выделяет ряд ключевых элементов, способствующих укреплению лидерства государства на мировой арене: качество образования, уровень торговли, инновационный потенциал и технологическое развитие, военная мощь, степень конкурентоспособности, роль в международной финансовой системе, объемы промышленного производства и наличие резервной валюты (Dalio, 2021). С учетом цели исследования мы адаптировали комплексную методологию Р. Далио к региональной специфике, что позволяет дать объективную оценку потенциала исследуемых государств и их стратегий формирования и поддержания лидерства в контексте становления многополярного мирового порядка (Борзова, Павлова, 2019; Тайар, 2019).

В этой связи методология исследования предполагает системный исследовательский подход, ориентированный на выявление факторов, способствующих экономическому развитию и формированию лидерства испаноамериканских государств в период с 1990 по 2023 г. Привлечение исторической ретроспективы позволило проанализировать долгосрочные тенденции и установить взаимосвязь между динамикой развития стран и ключевыми региональными и глобальными событиями, включая финансовые кризисы и структурные реформы (Osampo, 2012; Корнекова, Махновский, 2020). Методология исследования включает количественный анализ статистических показателей (в частности, данных по военным расходам, уровню заработной платы и другим макроэкономическим индикаторам) и качественную интерпретацию политических и экономических процессов, лежащих в основе выявленных тенденций (Симонова, 2020; O'Donnell, 1994; Хейфец, Правдюк, 2020; Alesina et al., 2020).

На основе изученной литературы и применимости показателей в ретроспективном анализе в исследовании выделены семь ключевых факторов, наиболее полно отражающих национальный потенциал: (1) уровень образования, (2) объем внешней торговли, (3) инновационно-технологическая активность, (4) во-

енный потенциал, (5) степень конкурентоспособности, (6) развитость финансовой инфраструктуры и (7) уровень промышленного производства. Выбор этих факторов обоснован их частым воспроизведением в академических работах как основных детерминантов национального могущества (Dalio, 2021; Luttwak, 1990; Keohane, 1984; Acemoglu, Robinson, 2012; Schneider, 2013; Miriam, 2020), их измеримостью и сопоставимостью во временной динамике. Исключение таких переменных, как культурная гегемония, уровень демократии или миграционная политика, связано с ограниченной доступностью однородных и сопоставимых данных за весь период 1990–2023 гг., а также с высокой степенью субъективности их операционализации. Вместе с тем значимые неформальные элементы учитывались в рамках качественного анализа.

Методологически исследование базируется на системном подходе, предполагающем комплексное рассмотрение взаимодействия факторов, способствующих формированию лидерства в условиях глобальной трансформации. Эмпирической основой послужила выборка из пяти ведущих испаноязычных стран Латинской Америки: Мексики, Аргентины, Чили, Перу и Колумбии — определенных на основании средних значений ВВП на душу населения, по паритету покупательной способности (ППС) за период 1990–2023 гг. и обладающих структурной сопоставимостью, сходными институциональными условиями на начальном этапе реформ 1990-х гг. (табл.), а также наличием достаточного массива количественных данных по ключевым макроэкономическим и социальным индикаторам¹.

Венесуэла, несмотря на ее значительную политическую и историко-культурную роль в регионе, была исключена из выборки по ряду причин. Во-первых, с конца 1990-х гг. страна демонстрирует атипичную траекторию развития, характеризующуюся переходом от рыночной модели к модели централизованного государственного контроля, усилением авторитарных тенденций и последовательной эрозией демократических институтов (O'Donnell, 1994; Weyland, 2004; Mearsheimer, 2001)². Во-вторых, начиная с 2014 г., ряд международных организаций, включая Международный валютный фонд³ и Всемирный

¹ Всемирный банк Показатели мирового развития / Всемирный банк [Электронный ресурс] // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

² см. также: Всемирный банк Экономический обзор | Латинская Америка и Карибский бассейн, октябрь 2024 г. / Всемирный банк [Электронный ресурс] // openknowledge.worldbank.org : сайт. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/2368d56a-08ff-4d2b-ac29-9a7b316fe2ab/content> (дата обращения: 20.06.2025); Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна Валютные резервы / Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна [Электронный ресурс] // repositorio.cepal.org : сайт. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/80e6fc45-d29b-45e0-841d-cf8f87a150bd/content> (дата обращения: 20.06.2025).

³ International Monetary Fund. Statement by the IMF Executive Board on Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/05/04/pr18176-statement-by-the-imf-executive-board-on-venezuela> (дата обращения: 20.06.2025).

банк⁴, фиксируют существенные проблемы с доступностью, надежностью и внутренней согласованностью официальной статистики по основным макроэкономическим показателям. Искажение или отсутствие данных по инфляции, ВВП, внешней торговле, инвестициям, уровню образования и промышленному производству препятствуют корректному включению страны в сравнительный анализ. Вследствие этого Венесуэла в текущих условиях представляет собой методологическую аномалию, выходящую за рамки репрезентативного набора стран, отражающих основные тенденции устойчивого национального лидерства в испаноязычной Латинской Америке. Результаты анализа представлены в виде отдельных диаграмм (рис. 1–7), отражающих траектории развития по каждому из семи показателей, а также сводного интегрального графика (рис. 8).

Совокупный ВВП по паритету покупательной способности (ППС), трлн долл. США, за 1990–2023 (топ-5 испаноязычных стран Латинской Америки)

Позиция	Государство	Значение, округленное с учетом периода выборки
1	Мексика	5,484
2	Аргентина	1,586
3	Колумбия	1,538
4	Чили	815
5	Перу	765

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: *Показатели мирового развития* (Всемирный банк)⁵.

Aggregate GDP by Purchasing Power Parity (PPP), USD trillions, 1990–2023 (Top 5 Spanish-speaking Latin American Countries)

Position	Country	Value, rounded based on the sample period
1	Mexico	5.484
2	Argentina	1.586
3	Colombia	1.538
4	Chile	815
5	Peru	765

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from The World Bank Group World Development Indicators⁶.

⁴ Всемирный банк Показатели мирового развития / Всемирный банк [Электронный ресурс] // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

⁵ Там же.

⁶ The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

На следующем этапе исследования мы определили ряд индикаторов, соответствующих каждому из семи факторов, с учетом их релевантности на основе данных Всемирного банка⁷ и Международной организации труда⁸, а именно:

1. Образование
 - Продолжительность обязательного образования, лет
 - Государственные расходы на образование, всего, % от ВВП
 - Государственные расходы на высшее образование от ВВП, %
 - Охват высшим образованием, все программы, для обоих полов (количество)
 - Рабочая сила с высшим образованием, % от общей численности рабочей силы
2. Торговля
 - Экспорт товаров и услуг (ПБП, текущие показатели в долларах США), объем торговли (% от ВВП)
 - Индекс эффективности логистики: качество торговой и транспортной инфраструктуры (от 1 = низкое до 5 = высокое)
 - Чистый объем торговли товарами и услугами (ПБП, текущие показатели в долларах США)
3. Инновации и технологии
 - Расходы на исследования и разработки, % от ВВП
 - Экспорт высокотехнологичных товаров — доля от экспорта промышленных товаров, %
 - Экспорт товаров в страны с высоким уровнем дохода, % от общего объема экспорта товаров
 - Заявки на патенты, резиденты, %
4. Военная сфера
 - Военные расходы, % от ВВП
 - Военные расходы — доля в общих государственных расходах, %
 - Военные расходы, долл. США на текущий момент
5. Конкурентоспособность
 - Пол: Общйй возраст (совокупные диапазоны): Общая валюта, Доллары США по ППС на 2021 г.
 - Заработная плата и наемные работники, всего, доля от общей численности занятых (смоделированная оценка МОТ), %
 - Инфляция, дефлятор ВВП, % в годовом исчислении
 - Стоимость процедур по открытию бизнеса, доля от ВНД на душу населения, %

⁷ Всемирный банк Показатели мирового развития / Всемирный банк [Электронный ресурс] // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

⁸ Международная организация труда ILOSTAT / Международная организация труда [Электронный ресурс] // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

6. Финансовый центр	• Рыночная капитализация российских компаний, котирующихся на бирже на текущий момент, долл. США• Рыночная капитализация российских компаний, котирующихся на бирже, % от ВВП• Прямые иностранные инвестиции, чистый приток, % от ВВП• Прямые иностранные инвестиции, чистый приток (ПБП, на текущий момент, долл. США)
7. Объем производства	• Рост ВВП, % в годовом исчислении• ВВП по ППС, в текущих международных долларах

После выбора показателей и извлечения данных проведен количественный анализ, отметим, что некоторые значения оказались недоступными. Для обеспечения непрерывности временных рядов и сопоставимости данных были использованы следующие методы обработки: линейная интерполяция (для восстановления недостающих значений внутри временного ряда), усреднение между смежными значениями (в случае краткосрочных пропусков) и ручной ввод на основе экспертной реконструкции (только при наличии обоснованной динамики и подтвержденных источников). Для обеспечения корректного сравнения показателей между странами все значения были приведены к сопоставимой шкале посредством нормализации (все значения приведены к единой шкале от 0 до 1, что обеспечило корректное кросс-национальное сравнение показателей).

Завершающим этапом стал качественный анализ, направленный на выявление общих и индивидуальных особенностей траекторий развития исследуемых государств, а также на определение детерминант, способствующих формированию и поддержанию лидерства в условиях глобальных трансформаций. Учет комплексных факторов лидерства позволил не только более точно оценить позиции отдельных стран, но и сформировать основу для прогноза долгосрочного развития региона.

Фактор «образование»

Согласно данным Программы развития ООН (ПРООН), несмотря на нестабильность в середине 1990-х гг., Мексика пережила трансформационный рост, поднявшись с нормализованного индекса образования 0,52 в 1990 г. до 0,74 к 2019 г. Это свидетельствует о значительном улучшении образовательных показателей за указанный период. Кризис песо в 1994 г. оказал негативное влияние на экономику Мексики и привел к сокращению расходов на образование, что привело к снижению индекса до 0,36 к 1998 г. Восстановление началось благодаря программе президента Висенте Фокса «Oportunidades» (2000-е гг.), которая связывала денежные трансферты с посещаемостью школ, что привело к повышению индекса до 0,59 к 2010 г. Решающий скачок произошел после конституционной реформы прези-

дента Энрике Пенья Ньето в 2013 г., которая ввела оценку заслуг учителей и стандартизированное тестирование, что позволило поднять индекс до 0,69 к 2014 г. Начиная с 2018 г., в период стагнации при правлении президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадор, который инициировал отмену образовательной реформы 2013 г., включающей обязательную оценку учителей, индекс снизился до 0,64 в 2019 г. Однако инвестиции в цифровую инфраструктуру и такие программы, как «*Jóvenes Construyendo el Futuro*» (молодежные стажировки), вызвали подъем до 0,70 к 2023 г., что может в целом трактоваться как устойчивый рост образовательных показателей в стране, несмотря на изменения в образовательной политике.

Траектория развития индекса образования в Аргентине в период 1990–2023 гг. характеризуется чередованием фаз спада, обусловленного экономическими кризисами, и восстановительного роста, связанного с социальной политикой. Экономический дефолт 2001 г. при президенте Фернандо де ла Руа привел к резкому сокращению государственных расходов, что обусловило снижение индекса образования до 0,52 к 2003 г. Посткризисный период, ознаменованный инициативами президента Нестора Киршнера (2003–2007 гг.), сопровождался активным реинвестированием в программы образовательного доступа, что позволило достичь локального максимума — 0,61 в 2008 г. В условиях жесткой экономии при Маурисио Макри (2015–2019 гг.) рост показателя приостановился. Однако реализация в 2020 г. под руководством президента Альберто Фернандеса программы «*Potenciar Trabajo*», акцентирующей внимание на профессиональном образовании в условиях гиперинфляции, обеспечила дальнейший прогресс. К 2023 г. индекс образования достиг уровня 0,74, несмотря на сохраняющуюся макроэкономическую нестабильность.

Динамика индекса образования в Колумбии за 1990–2023 гг. демонстрирует устойчивый рост — с 0,34 в 1990 г. до 0,42 к 2023 г. — при наличии отдельных периодов регресса, вызванных внутренними конфликтами и внешнеэкономическими шоками. Глобальный финансовый кризис 2009 г. привел к существенному сокращению государственных расходов, в результате чего индекс опустился до 0,25. Положительная динамика наблюдается с 2012 г. и связана с реализацией «Плана мирного образования» президента Хуана Мануэля Сантоса (2014–2018 гг.), в рамках которого ресурсы, высвободившиеся после подписания мирного соглашения с РВСК (FARC), направили на развитие образовательной инфраструктуры, преимущественно в сельских районах. Это обеспечило рост индекса до 0,44 в 2016 г. Последующее внедрение программы «*Generación E*» (2018) президентом Иваном Дуке, направленной на расширение доступа к высшему образованию для социально уязвимых слоев населения, способствовало сохранению положительного тренда. Несмотря на вызовы, связанные с пандемией COVID-19, к 2023 г. индекс образования стабилизировался на уровне 0,42, отражая устойчивость сектора в условиях продолжающихся структурных ограничений.

Образовательный индекс Чили продемонстрировал устойчивую положительную динамику, увеличившись более чем в два раза — с 0,28 в 1990 г. до 0,68 к 2023 г. Такой рост стал возможен благодаря серии структурных реформ, направленных на повышение доступности и справедливости образовательной системы. Массовые студенческие протесты 2006 г., известные как «революция пингвинов», инициировали пересмотр образовательной политики. В ответ на общественные требования президент Мишель Бачелет в 2009 г. утвердила Закон об общем образовании, положивший конец функционированию школ, ориентированных на извлечение прибыли, и обеспечивший расширение охвата среднего образования, что способствовало росту индекса до 0,48 к 2009 г. В дальнейшем политика введения бесплатного высшего образования, реализованная в 2016 г., позволила повысить значение индекса до 0,63 к 2017 г. Социальные протесты 2019 г. стали толчком для дальнейших реформ, в т.ч. в сфере профессионального и STEM-образования, которые были приоритетами администрации президента Габриэля Борича. Эти меры обеспечили сохранение положительной динамики, доведя индекс до 0,68 к 2023 г.

Индекс образования в Перу продемонстрировал поступательный рост с 0,35 в 1990 г. до 0,58 к 2023 г., при этом динамика показателя была тесно связана с экономическими циклами, обусловленными колебаниями на рынке сырьевых товаров. Программа приватизации, инициированная президентом Альберто Фухимори в 1990-х гг., расширила доступ к начальному и среднему образованию, что обеспечило рост индекса до 0,49 к 1998 г. Однако в период политической нестабильности при президенте Алехандро Толедо (2001–2006 гг.) индекс снизился до 0,33 в 2005 г. Существенный вклад в восстановление внесли образовательные реформы 2012 г., направленные на введение системы оценки эффективности преподавателей, а также программа школьного питания «Qali Warma», финансируемая за счет налоговых поступлений от добычи полезных ископаемых. Эти меры позволили администрации президента Ольянты Умалы повысить индекс до 0,50 к 2016 г. В условиях последствий пандемии COVID-19 президент Франсиско Сагаста в 2021 г. инициировал цифровую трансформацию образования, использовав экспортные доходы от меди, что способствовало дальнейшему росту индекса до 0,58 к 2023 г. Общая динамика развития в сфере образования пяти анализируемых стран представлена на рис. 1.

Таким образом, анализ индекса образования в пяти ведущих испаноязычных государствах Латинской Америки в период с 1990 по 2023 г. демонстрирует значительное влияние экономических и политических факторов на образовательные системы региональных лидеров. Несмотря на экономические кризисы и политическую нестабильность, образовательные политики, включая реформы, улучшение инфраструктуры, систему оценки преподавателей и внедрение цифровых технологий, способствовали постепенному улучшению образовательных показателей.

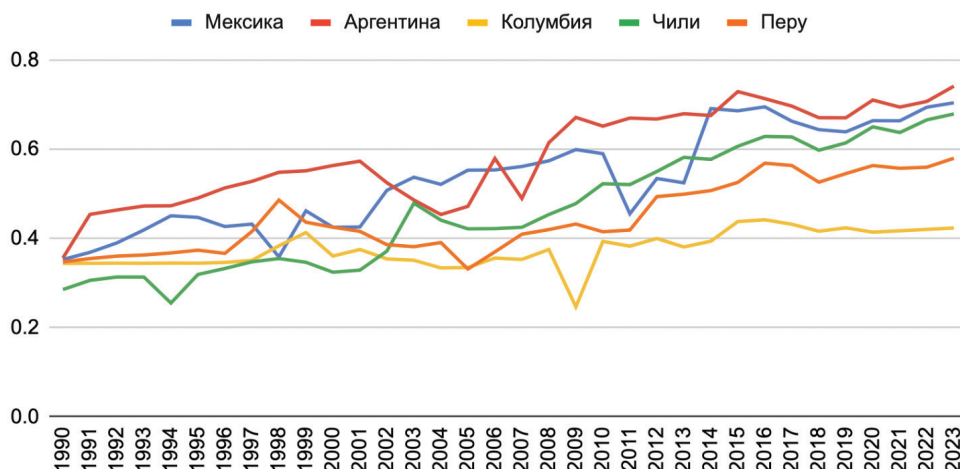

Рис. 1. Фактор образования: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT⁹; Показатели мирового развития (Всемирный банк)¹⁰.

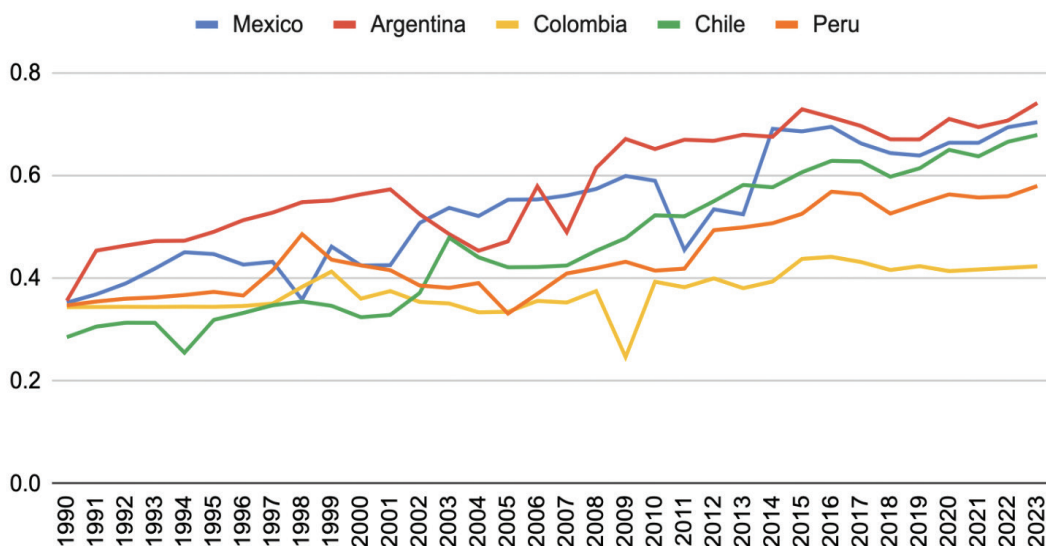

Figure 1. The Education factor for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT¹¹; The World Bank Group World Development Indicators¹².

⁹ Международная организация труда ILOSTAT / Международная организация труда [Электронный ресурс] // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁰ Всемирный банк Показатели мирового развития / Всемирный банк [Электронный ресурс] // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

¹¹ International Labour Organisation. (n.d.). *ILOSTAT*. <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025).

¹² The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

Фактор «торговля»

Мексика продемонстрировала значительный рост в сфере международной торговли, став одной из ведущих торговых держав региона и мира. Индекс торговли увеличился с 0,36 в 1990 г. до 0,72 к 2023 г. Формальные институты играют ключевую роль в торговой стратегии страны: участие в NAFTA/USMCA, ОЭСР и Тихоокеанском альянсе сопровождалось развитием правовых норм, цифровизации процедур и заключением свыше 40 соглашений о свободной торговле. Ключевым фактором роста стало подписание Соглашения о североамериканской свободной торговле (NAFTA) в 1994 г., которое послужило важным катализатором интеграции Мексики с США и Канадой, что способствовало повышению индекса до 0,46 к 1996 г. Однако в условиях экономической рецессии в США в 2001 г. индекс снизился до 0,42, отражая внешнюю экономическую нестабильность.

Восстановление показателя началось с реформ президента Фелипе Кальдерона, направленных на развитие промышленности, что привело к росту индекса до 0,57 к 2010 г. Прогресс продолжился после пересмотра соглашения NAFTA в 2018–2020 гг., когда было подписано новое Соглашение о свободной торговле США, Канады и Мексики (USMCA), это значительно укрепило экономические связи Мексики с ближайшими соседями и привело к резкому увеличению индекса до 0,82 в 2020 г., несмотря на вызовы пандемии COVID-19. Тем не менее, с 2021 г. индекс торговли начал снижаться и упал до 0,64 в 2022 г., отразив возникшие энергетические споры с США и националистическую политику президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора в отношении ресурсов. Несмотря на это, долгосрочный рост сохранялся благодаря продолжению экспорта автомобилей и технологий, поддерживающему стабильность в экономике страны.

Индекс торговли Аргентины колебался в широких пределах — от 0,34 в 1990 г. до 0,47 в 2023 г. — под влиянием протекционизма и зависимости от сырьевых товаров. Неолиберальные реформы президента Карлоса Менема в 1990-х гг. ненадолго увеличили экспорт сельскохозяйственной продукции (0,33 в 1999 г.), но дефолт 2001 г. и обвал валюты при Фернандо де ла Руа привели к импортозамещению, в результате чего индекс упал до 0,32 к 2003 г. Восстановление экономики при Несторе Киршнере (2003–2007 гг.), основанное на буме сырьевых товаров, во главе с соевыми культурами, достигло пика в 0,47 в 2008 г. Усилия президента Маурисио Макри по либерализации в 2015–2019 гг. потерпели неудачу на фоне долгового кризиса, а введенные Альберто Фернандесом в 2020 г. экспортные налоги и валютный контроль усилили волатильность, в результате торговля стала зависеть от спорадического спроса на зерно.

Формальные торговые институты в Аргентине исторически сталкивались с нестабильностью. Несмотря на участие в МЕРКОСУР с 1991 г., структурные ограничения, связанные с протекционизмом и частыми изменениями торговых правил, препятствовали созданию устойчивой ин-

ституциональной среды. Валютный контроль, нестабильная система экспортных пошлин и слабая судебная защита прав собственности подрывали доверие к формальным торговым механизмам. Хотя страна подписала ряд соглашений (включая соглашение МЕРКОСУР–ЕС, находящееся в процессе ратификации), ограниченная транспарентность и фискальная нестабильность снижали эффективность институционального сопровождения внешней торговли.

Торговый фактор Колумбии демонстрировал неравномерный рост, увеличившись с 0,24 в 1990 г. до 0,41 к 2023 г. В начале 2000-х гг. нестабильность, связанная с внутренним конфликтом с ФАРК, существенно ограничила возможности для роста, и в 2005 г. индекс торговли составил лишь 0,25. Однако внешнеэкономическая политика президента Хуана Мануэля Сантоса, в т.ч. участие Колумбии в Тихоокеанском альянсе в 2010–2018 гг. и подписание соглашений о свободной торговле с США в 2012 г., способствовали диверсификации экспортных потоков, включая такие нетрадиционные товары, как кофе и цветы. Эти меры позволили повысить индекс до 0,39 к 2012 г. Тем не менее, падение мировых цен на нефть после 2016 г., а также зависимость экономики Колумбии от ископаемых топлив, привели к снижению показателя до 0,24 в 2015 г. В 2022 г. при новом президенте Густаво Петро экономика страны начала развивать «зеленую» энергетику и активизировались торговые переговоры с ЕС, что способствовало возобновлению роста, особенно в аграрном секторе. К 2023 г. индекс торговли увеличился до 0,41, отражая улучшение экономической ситуации и диверсификацию экспортной базы страны.

Колумбия активно формализовала торговую политику, особенно в 2010-х гг. Подписание соглашения о свободной торговле с США в 2012 г. потребовало масштабной институциональной перестройки: была реформирована таможенная служба, введены стандарты сертификации продукции и механизмы защиты прав интеллектуальной собственности. Колумбия стала активным участником Тихоокеанского альянса и с 2021 г. ведет переговоры о присоединении к ОЭСР. Эти процессы способствовали укреплению нормативной базы торговли и снижению барьеров для внешнеэкономической деятельности. Кроме того, были внедрены цифровые платформы для экспортно-импортных операций (VUCE), улучшившие прозрачность и управляемость.

Чили продолжала удерживать лидерство по торговому индексу в Латинской Америке, установив его на уровне 0,60 в 2023 г., после пика в 0,70, достигнутого в 2007 г. Ранние успехи были заложены в 1990-х гг., когда медный бум и либерализация торговли при президенте Патрисио Эйльвине (1990–1994 гг.) способствовали росту индекса до 0,49 к 1994 г. В 2000-х гг., благодаря активной внешней торговой политике президента Рикардо Лагоса, был заключен ряд соглашений о свободной торговле с США, Китаем и ЕС, а экспорт лития привел к значительному росту показателя до 0,66 к 2006 г. Однако в 2019 г. социальные волнения при президенте Себастьяне Пиньере привели к сбоям в работе ключевых отраслей, та-

ких как порты и горнодобывающая промышленность, что способствовало снижению торгового индекса до 0,47 в 2021 г. В ответ на вызовы Габриэль Борич, пришедший к власти в 2022 г., сосредоточился на диверсификации экспортных потоков, включая развитие устойчивых секторов, таких как производство зеленого водорода и использование возобновляемых источников энергии. Эти меры способствовали стабилизации торгового индекса на уровне 0,60 к 2023 г., что свидетельствует о последовательных усилиях Чили по обеспечению устойчивого экономического роста и диверсификации внешнеэкономических связей. В этом контексте Чили справедливо рассматривается как одна из наиболее институционально развитых стран Латинской Америки в торговой сфере. Широкая сеть соглашений о свободной торговле (более 30, включая соглашения с США, Китаем, Европейским союзом и странами Азиатско-Тихоокеанского региона), а также активное участие в таких международных организациях, как АТЭС и ВТО, обеспечили высокую степень институциональной интеграции Чили в глобальные цепочки поставок.

Торговый индекс Перу увеличился с 0,40 в 1990 г. до 0,58 к 2023 г., несмотря на значительные препятствия, вызванные политической нестабильностью. Приватизация горнодобывающей отрасли, проведенная президентом Альберто Фухимори в 1990-х гг., и выход на азиатские рынки, в т.ч. в Китай, способствовали росту показателя, который достиг 0,45 к 2006 г. В период 2006–2011 гг. при президенте Алане Гарсии, когда сырьевые товары, такие как медь и золото, стали основными экспортными статьями, торговый индекс достиг пика в 0,47 в 2011 г.

Однако после 2016 г. страна столкнулась с коррупционными скандалами (например, расследованиями в рамках дела Odebrecht) и ростом ресурсного национализма под руководством президента Педро Кастильо в 2021–2022 гг., что привело к снижению доверия со стороны инвесторов и падению индекса до 0,36 в 2020 г. С приходом к власти Дины Болуарте и возвращением к рыночной политике в 2023 г., а также увеличением мирового спроса на минеральные ресурсы, Перу смогло восстановить свои позиции. К 2023 г. индекс торговли снова увеличился до 0,58, что отражает стабилизацию внешней торговли и улучшение экономической ситуации.

Перу с начала 2000-х гг. активизировало участие в международных торговых организациях, таких как ВТО, АТЭС и Тихоокеанский альянс. Были внедрены законы о конкуренции, усилены институты сертификации, включая Национальный институт качества (INACAL), и развиты механизмы электронного декларирования товаров. Несмотря на политическую нестабильность, торговые агентства, такие как ПромПеру, способствовали продвижению экспорта, особенно в аграрном секторе и горнодобыче. Соглашения о свободной торговле с Китаем (2009) и ЕС (2012) стали основой для диверсификации экспортных рынков, что также повысило устойчивость торгового индекса страны. Совокупная динамика фактора торговли отражена на рис. 2.

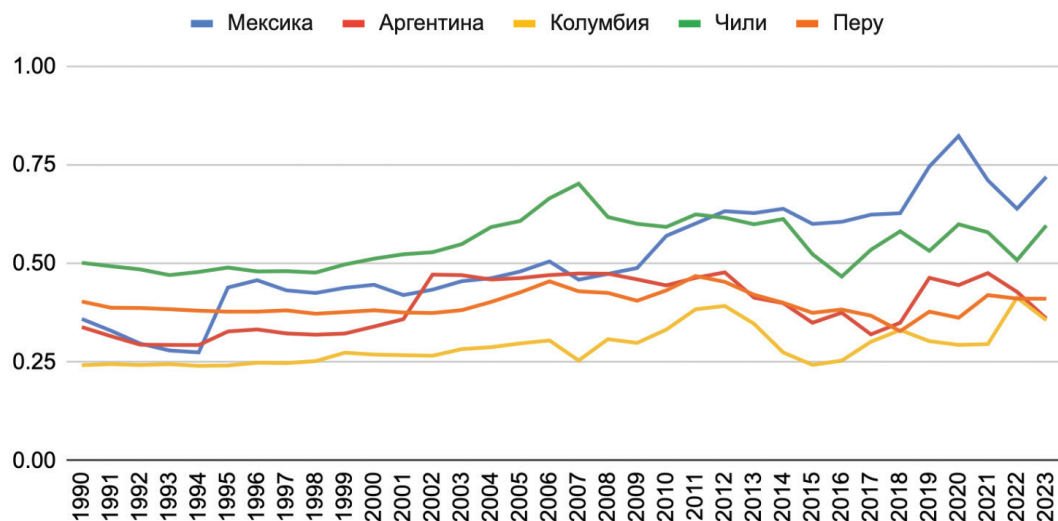

Рис. 2. Фактор торговли: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT¹³; Показатели мирового развития (Всемирный банк)¹⁴.

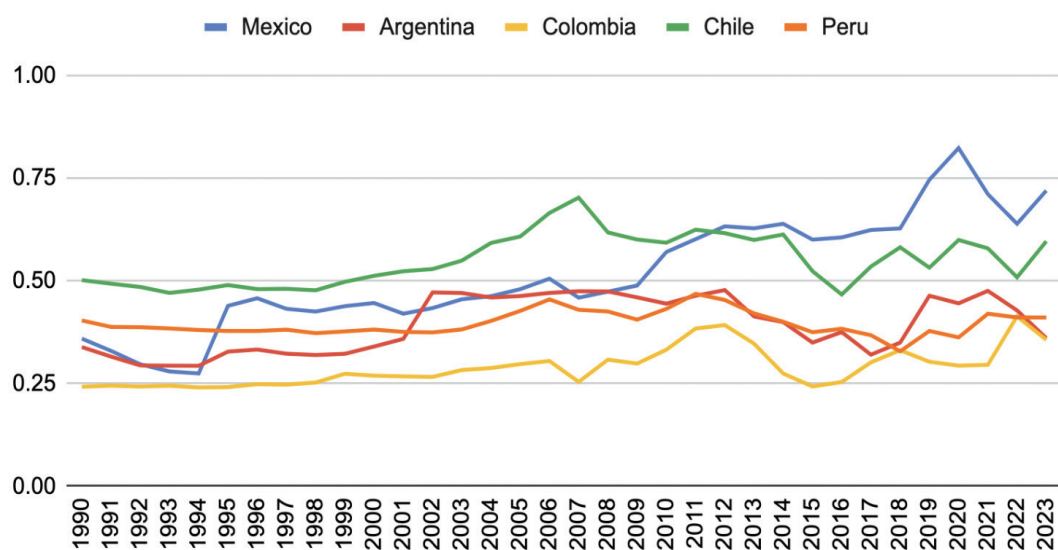

Figure 2. The Trade factor for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT¹⁵; The World Bank Group World Development Indicators¹⁶.

¹³ Международная организация труда ILOSTAT / Международная организация труда // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁴ Всемирный банк. Показатели мирового развития // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁵ International Labour Organisation. (n.d.). *ILOSTAT*. <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025)

¹⁶ The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025)

В целом, рост торговых индексов в анализируемых странах можно отнести к успешным торговым реформам и адаптации внешней политики, хотя такие факторы, как политическая нестабильность и глобальные экономические кризисы, периодически оказывали значительное влияние на внешнюю торговлю.

Фактор «инновации и технологии»

Мексика продемонстрировала устойчивый рост в области инноваций и технологий, поднявшись с нормализованного индекса 0,49 в 1990 г. до 0,81 к 2023 г. Спад в 1993 г. после вступления в NAFTA (индекс 0,49) был преодолен благодаря программе «Прософт», запущенной президентом Висенте Фоксом в 2000-е гг., способствующей развитию программного обеспечения и ИТ-услуг. Это позволило повысить индекс до 0,71 к 2008 г. В 2013 г. реформа телекоммуникаций президента Энрике Пенья Ньето разрушила монополии и ускорила развитие цифровой инфраструктуры, что способствовало росту индекса до 0,81 к 2016 г. Инициативы президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора, такие как проект «Интернет для всех», укрепили эти позиции, обеспечив стабильный рост до 0,81 к 2023 г.

В Аргентине развитие инновационных технологий также было неравномерным. Индекс снизился с 0,57 в 1990 г. до 0,44 в 2023 г., что было связано с экономическим кризисом 2001 г. Сокращение бюджетов на НИОКР привело к падению индекса до 0,39 к 2001 г. Восстановление в рамках программы «Plan Argentina Innovadora» при Несторе Киршнере в 2004–2007 гг. позволило значительно повысить индекс до 0,55 к 2006 г. благодаря развитию биотехнологий и ядерного сектора. Однако жесткая экономия и валютный кризис в последующие годы негативно сказались на дальнейшем прогрессе. В то же время пандемия способствовала росту телездравоохранения и финтех-стартапов, что позволило временно повысить индекс до 0,52 в 2020 г.

Колумбия также добилась устойчивого прогресса, увеличив индекс с 0,22 в 1990 г. до 0,42 к 2023 г. Конфликт с ФАРК в начале 2000-х ограничил технологические инвестиции, однако «План мирного образования» президента Хуана Мануэля Сантоса (2010–2018) перенаправил средства на развитие технологических центров, таких как «Ruta N» в Медельине. Это привело к росту индекса до 0,34 к 2012 г. В 2018 г. президент Иван Дуке внедрил «оранжевую экономику», уделяя внимание творческим и цифровым отраслям, что способствовало росту индекса до 0,45 к 2019 г. Программа Густаво Петро по развитию «зеленой» энергетики в 2022 г. позволила сохранить положительную динамику, несмотря на бюджетные ограничения, и к 2023 г. индекс достиг 0,42.

В Чили индекс инноваций и технологий также продемонстрировал умеренный рост, увеличившись с 0,34 в 1990 г. до 0,43 к 2023 г. Важным этапом стал медный бум 2000-х гг., который обеспечил финансирование

для программы «Start-Up Chile» при Мишель Бачелет (2010), привлечшей мировых технологических предпринимателей. Это позволило повысить индекс до 0,37 к 2010 г. Закон о цифровой трансформации, принятый президентом Себастьяном Пиньерой в 2018 г., способствовал развитию ИИ и блокчейна (индекс 0,39 в 2019 г.). После 2019 г. социальные волнения ограничили приток инвестиций, однако в 2022 г. Габриэль Борич сосредоточился на развитии зеленых технологий и литиевых проектов, что позволило стабилизировать рост индекса до 0,43 к 2023 г.

В Перу наблюдается нестабильное снижение индекса с 0,25 в 1990 г. до 0,23 в 2023 г. Политическая нестабильность в период правления Алехандро Толедо (2001–2006) и Педро Кастильо (2021–2022) препятствовала стабильному развитию инноваций. Однако программа «Инновационное Перу» при Олланте Умале в 2012 г. временно увеличила индекс до 0,29 к 2014 г. В 2023 г. президент Дина Болуарте сосредоточилась на автоматизации горнодобывающей промышленности и стимулировании стартапов, что стало основой для постепенного восстановления показателя, несмотря на сохраняющуюся политическую нестабильность. Совокупная динамика данных представлена на рис. 3.

Анализ факторов инноваций и технологий в Латинской Америке показывает, что успех стран региона в этой области зависит от сочетания экономических факторов, политических решений и внешних вызовов.

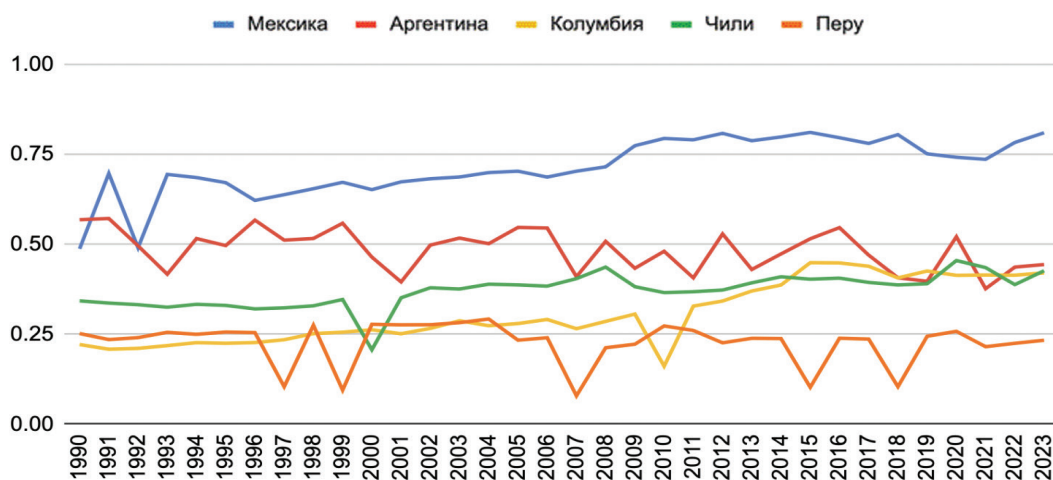

Рис. 3. Фактор инноваций и технологий: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT¹⁷; Показатели мирового развития (Всемирный банк)¹⁸.

¹⁷ Международная организация труда ILOSTAT / Международная организация труда [Электронный ресурс] // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁸ Всемирный банк Показатели мирового развития / Всемирный банк [Электронный ресурс] // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

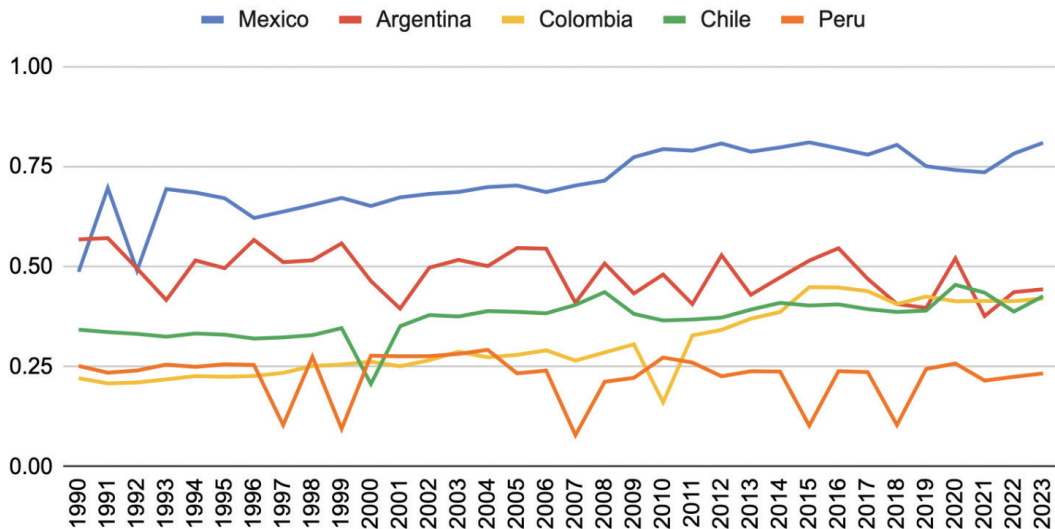

Figure 3. The Innovation and technology factor for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT¹⁹; The World Bank Group World Development Indicators²⁰.

Фактор «военная сфера»

В Мексике в период с 1990 по 2023 г. прослеживается тенденция к постепенной милитаризации, отраженная в росте нормализованного показателя с 0,04 до 0,28. Несмотря на общий восходящий тренд, динамика показателя демонстрировала колебания, обусловленные внутренними и внешними факторами. Так, экономический кризис, связанный с девальвацией песо в 1994 г., вызвал необходимость жестких бюджетных ограничений, что, в частности, затронуло финансирование усилий по борьбе с организованной преступностью и наркоторговлей. В результате к 1995 г. соответствующий индекс снизился до уровня 0,07, что свидетельствует о краткосрочном ослаблении роли военной компоненты в государственной политике безопасности. Устойчивый рост военных расходов начался в 2006 г., когда президент Фелипе Кальдерон объявил о милитаризованной «Войне с наркотиками», финансируемой США в рамках «Инициативы Мерида», что привело к увеличению индекса до 0,17 к 2012 г. Далее, при президенте Андресе Мануэле Лопесе Обрадоре была создана Национальная гвардия в 2019 г., что стало важным этапом в эскалации столкновений с наркокартелями, включая кризис в Кулиакане. Эти события способствовали росту индекса до 0,29 к 2021 г. После 2021 г. показатель начал сни-

¹⁹ International Labour Organisation. (n.d.). *ILOSTAT*. <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025).

²⁰ The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

жаться, что свидетельствует о перераспределении бюджетных средств в пользу социальных программ и указывает на изменение приоритетов в области безопасности и внутренней политики.

В Аргентине наблюдалось резкое снижение военных инвестиций: с 0,25 в 1990 г. до 0,11 к 2023 г., что было обусловлено экономическими кризисами и сменой политических приоритетов. Суверенный дефолт 2001 г. при президенте Фернандо де ла Руа обрушил оборонные бюджеты до 0,16 к 2003 г., и эта тенденция усилилась после того, как Нестор Киршнер сосредоточился на социальном обеспечении, а не на военной модернизации. Кратковременное восстановление экономики при Маурисио Макри (2015–2019 гг.), включая ограниченную модернизацию оборонного сектора в соответствии с требованиями США, застопорилось из-за жесткой экономии, связанной с долговыми соглашениями с МВФ. К 2022 г. гиперинфляция и приоритизация президентом Альберто Фернандесом программ помощи в условиях пандемии привели к снижению военного фактора до исторического минимума в 0,07, что подчеркивает доминирование экономической хрупкости над оборонными потребностями.

Колумбия продемонстрировала самую нестабильную траекторию, поднявшись с 0,33 в 1990 г. до 0,82 к 2023 г., что может быть обусловлено циклами конфликтов и мира. Поддерживаемый США «План Колумбия» (2000) и «Политика демократической безопасности» президента Альваро Урибе (2002–2010) способствовали резкой эскалации операций против ФАРК, что привело к достижению пика в 0,80 в 2008 г. Временное снижение значения до 0,67 в 2017 г. последовало за мирным соглашением президента Хуана Мануэля Сантоса 2016 г., которое перенаправило средства на демобилизацию. Однако возобновление милитаризации произошло при Иване Дуке (2018–2022), который отверг переговоры с диссидентами ФАРК, и при стратегии «Тотального мира» Густаво Петро (2022 — настоящее время), которая парадоксальным образом потребовала военного осуществления, что повысило индекс до 0,82 к 2023 г.

Военный потенциал Чили постепенно ослабевал: с 0,59 в 1990 г. он снизился до 0,42 в 2023 г. Это отражает укрепление демократии и смещение акцента на социальные приоритеты. Реформы после завершения эпохи Пиночета в 1990-х гг. перенаправили бюджетные расходы с обороны на образование и здравоохранение, сократив военные расходы до 0,48 к 1999 г. Во время короткого возрождения в рамках «Закона о меди» Мишель Бачелет (2005), который направил доходы от добычи полезных ископаемых на военную модернизацию, индекс вырос до 0,56 к 2008 г. Однако меры жесткой экономии, принятые после протестов против неравенства в 2019 г., и сосредоточенность президента Габриэля Борича на реформах пенсионной системы и образования ускорили спад.

Военное влияние Перу постепенно снижалось: с 0,40 в 1990 г. до 0,22 в 2023 г., что объясняется внутренними конфликтами и зависимостью от сырьевой экономики. Кампании президента Альберто Фухимори по борьбе

с повстанцами «Сияющий путь» в 1990-х гг. позволили поддерживать расходы на уровне 0,38 к 1994 г. Последующие лидеры, включая Алехандро Толедо и Алана Гарсию, использовали бум добычи полезных ископаемых для финансирования социальных программ, отодвигая на второй план оборону, что привело к падению показателя до 0,27 к 2010 г. После 2016 г. эрозия усилилась на фоне коррупционных скандалов, таких как Odebrecht, и перераспределения средств в период пандемии при президенте Франсиско Сагасте, который перенаправил средства на здравоохранение после кризиса «Вакцинагейт».

Динамика военной сферы в Латинской Америке демонстрирует существенные различия, обусловленные как внутренними политическими процессами, так и внешними вызовами. В Мексике наблюдается рост милитаризации, особенно с 2006 г., связанный с борьбой с наркокартелями и созданием Национальной гвардии. Аргентина, напротив, значительно сократила военные расходы и укрепила гражданский контроль после 1980-х гг. Колумбия характеризуется цикличностью милитаризации и демилитаризации, что связано с длительным внутренним конфликтом и мирными соглашениями. В Чили и Перу военные расходы снизились, что отражает ориентацию на миротворческую деятельность и уменьшение военного влияния на внутреннюю политику (рис. 4).

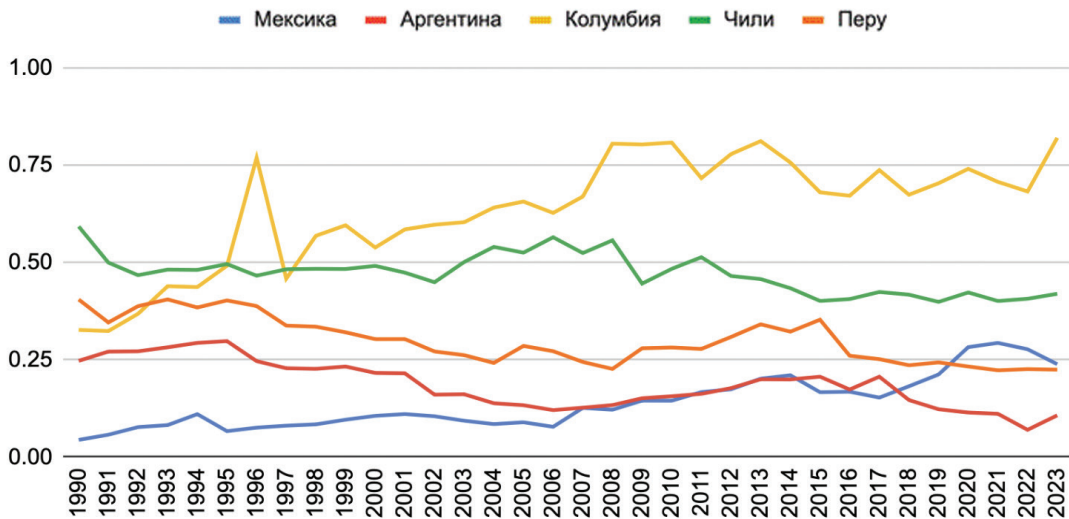

Рис. 4. Фактор военной сферы: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT²¹; Показатели мирового развития (Всемирный банк)²².

²¹ Международная организация труда ILOSTAT // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

²² Всемирный банк. Показатели мирового развития] // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

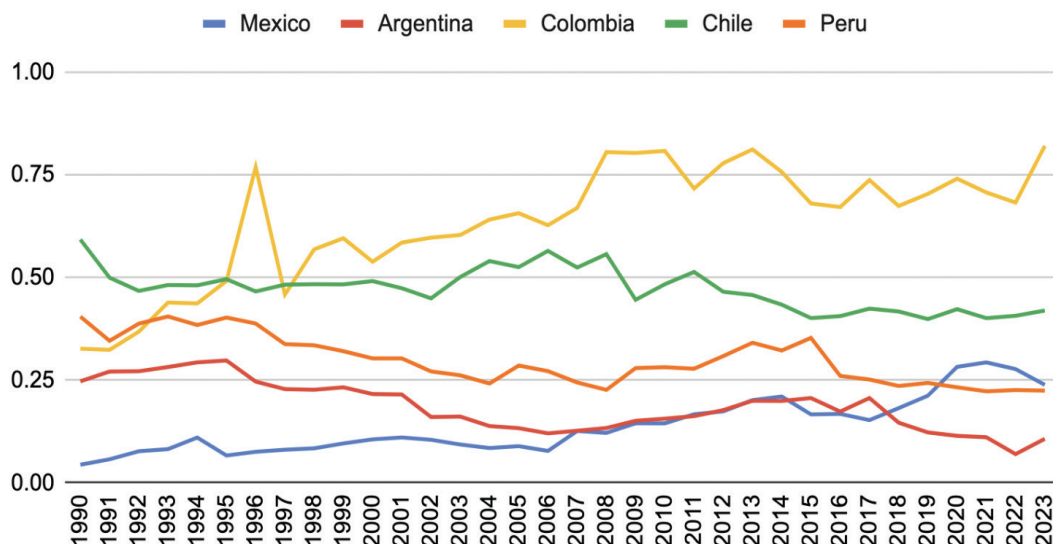

Figure 4. The Military factor for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT²³; The World Bank Group World Development Indicators²⁴.

Анализ динамики военного фактора демонстрирует существенные различия, обусловленные как внутренними конфликтами, так и стратегическими приоритетами национальной политики. В целом, регион отражает дивергентные траектории, где степень милитаризации зависит от специфики угроз безопасности, политических режимов и доступности фискальных ресурсов.

Фактор «конкурентоспособность»

Индекс конкурентоспособности Мексики колеблется между 0,32 и 0,50, достигая максимума в 2022 г. Ратификация NAFTA в 1994 г. сначала способствовала интеграции обрабатывающей промышленности (0,50 в 1994 г.), но кризис песо в 1995 г. привел к падению до 0,35 к 1997 г. Восстановление экономики при финансовой дисциплине президента Висенте Фокса (2000–2006 гг.) позволило поднять индекс до 0,49 к 2006 г. Энергетические реформы Энрике Пенья Ньето 2013 г. ненадолго модернизировали сектор (0,44 в 2014 г.), но коррупционные скандалы и ресурсный национализм Лопеса Обрадора 2018 г. (например, отмена контрактов на возобновляемые источники энергии) привели к падению до 0,33 к 2019 г. После пандемии рост ближнего зарубежья, вызванный заключением соглашения USMCA и ростом автомобильного сектора, восстановил конкурентоспособность страны до 0,48 к 2023 г.

²³International Labour Organisation. (n.d.). *ILOSTAT*. <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025).

²⁴The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

В отличие от Мексики индекс Аргентины был нестабильным и снизился с 0,48 в 1990 г. до 0,48 в 2023 г. Приватизация, проведенная президентом Карлосом Менемом в 1990-х гг., и паритет песо и доллара ненадолго стабилизировали рынки (0,50 в 1995 г.), но дефолт 2001 г. при Фернандо де ла Руа обрушил доверие инвесторов (0,42 в 2003 г.). Сырьевой рост Нестора Киршнера (2003–2007 гг.) и протекционизм Кристины Фернандес привели к неустойчивому росту (0,55 в 2016 г.). Прорыночные реформы Маурисио Макри (2015–2019 гг.) столкнулись с обратной реакцией в виде валютных кризисов, а введенный в 2020 г. Альберто Фернандесом контроль за движением капитала и инфляция подавили производительность.

Конкурентоспособность Колумбии, в свою очередь, росла неравномерно: с 0,24 в 1990 г. до 0,40 к 2023 г. Конфликт с ФАРК в 1990-х гг. сдерживал инвестиции (0,24 в 1999 г.), но реформы безопасности президента Альваро Урибе (2002–2010 гг.) привлекли ПИИ в горнодобывающую и нефтяную отрасли (0,42 в 2008 г.). Мирное соглашение Хуана Мануэля Сантоса в 2016 г. перенаправило средства на инфраструктуру (0,35 в 2016 г.), однако экономическая политика Ивана Дукэ (2018–2022), основанная на нефтяных доходах, сделала конкурентоспособность уязвимой к обвалам цен (0,25 в 2020 г.). Программа Густаво Петро по развитию «зеленой» энергетики на 2022 г. и торговые переговоры с ЕС способствовали скромному восстановлению (0,40 в 2023 г.).

Чили выделяется среди рассматриваемых стран, достигнув самого высокого уровня конкурентоспособности в регионе, поднявшись с 0,38 в 1990 г. до 0,66 к 2023 г. Демократическая стабильность при Патрисио Эйлвине (1990–1994 гг.) и рост, обусловленный добычей меди, заложили основу (0,46 в 2000 г.). Социальные реформы Мишель Бачелет в период 2006–2010 гг. положительно отразились на фондовом рынке и привлечении прямых инвестиций, что повысило индекс до 0,54 в 2008 г. Прогрессивная политика Себастьяна Пиньеры в 2018 г. и экспорт лития привели к пику в 0,70 в 2020 г.

Что касается Перу, то траектория индекса выросла с 0,28 в 1990 г. до 0,36 в 2023 г., несмотря на хронический политический хаос. Реформы Альберто Фухимори в 1990-х гг. стабилизировали гиперинфляцию (0,49 в 1996 г.), но коррупция при Алехандро Толедо (2001–2006 гг.) свела на нет достигнутые успехи (0,24 в 2000 г.). Инфраструктурные проекты Ольянты Умалы (2011–2016 гг.), финансируемые за счет налогов на добычу полезных ископаемых, подняли индекс до 0,42 к 2016 г. Непостоянная политика Педро Кастильо в 2021–2022 гг. (например, угрозы национализации горнодобывающей промышленности) привела к падению индекса до 0,18 в 2021 г. Переход Дины Болуарте в 2023 г. на рыночно-ориентированную политику и рост спроса на медь способствовали восстановлению конкурентоспособности до уровня 0,36.

Более наглядно проследить динамику развития конкурентоспособности в регионе позволяет рис. 5.

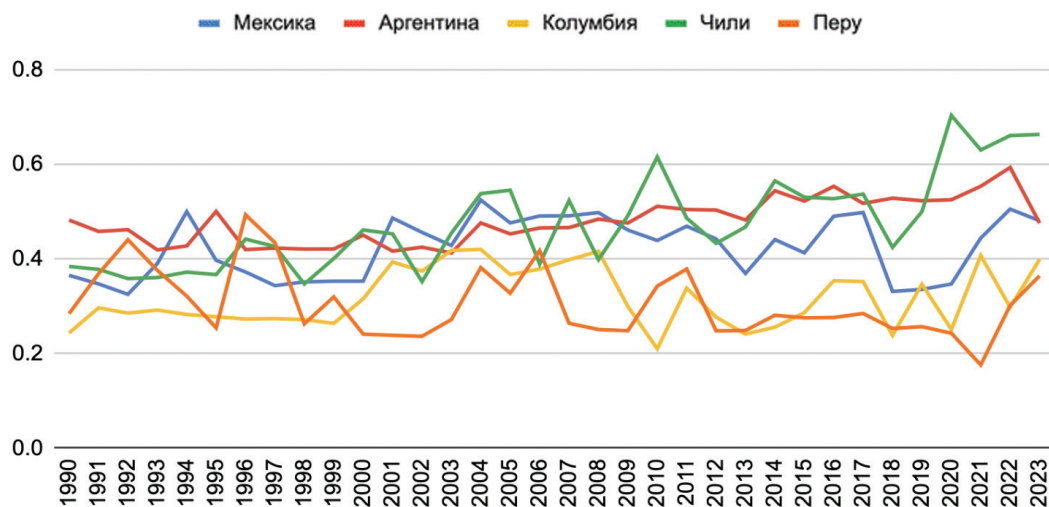

Рис. 5. Фактор конкурентоспособности: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT²⁵; Показатели мирового развития (Всемирный банк)²⁶.

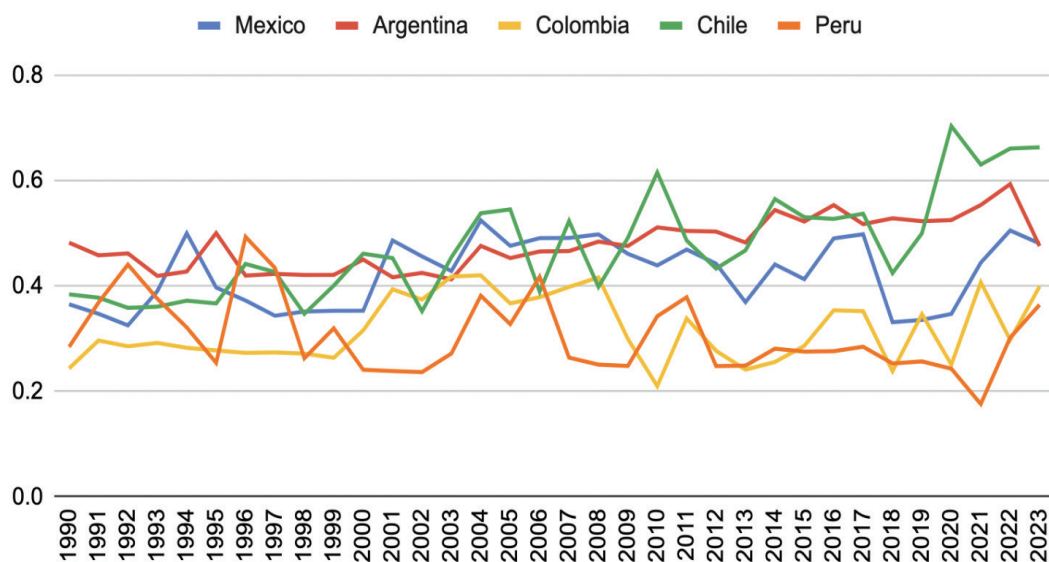

Figure 5. The Competitiveness factor for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT²⁷; The World Bank Group World Development Indicators²⁸.

²⁵Международная организация труда ILOSTAT // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

²⁶Всемирный банк Показатели мирового развития // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

²⁷International Labour Organisation. (n.d.). *ILOSTAT*. <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025).

²⁸The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

Таким образом, устойчивость конкурентоспособности в регионе обусловлена сочетанием последовательных рыночных реформ, инвестиционного климата и способности государств адаптироваться к глобальным экономическим изменениям.

Фактор «финансовый центр»

Динамика индекса финансового центра в анализируемых странах демонстрирует тесную связь между институциональными реформами, макроэкономической стабильностью и уровнем доверия со стороны международных инвесторов (рис. 6). В Мексике данный индекс вырос с 0,08 в 1990 г. до максимального значения 0,64 к 2013 г. Рост был обусловлен, прежде всего, либерализацией нефтяного сектора в рамках реформ президента Энрике Пенья Ньето, что способствовало притоку иностранного капитала. Важную роль также сыграла интеграция в НАФТА в 1994 г., которая стимулировала развитие трансграничной банковской инфраструктуры (0,23 в 2000 г.). Однако рецессия в США (2001) и националистическая энергетическая политика администрации Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (после 2018 г.) обусловили снижение доверия инвесторов, что отразилось в падении индекса до 0,48 к 2023 г.

Финансовый индекс Аргентины продемонстрировал высокую волатильность, варьируясь от 0,04 в 1990 г. до 0,24 в 2023 г. Установление валютного паритета в 1990-х гг. при Карлосе Менеме кратковременно повысило привлекательность страны для иностранных банков (0,35 в 1999 г.), однако дефолт 2001 г. обрушил индекс до 0,07. Попытки реструктуризации долга и либерализации финансового сектора при Маурисио Макри (2015–2019) не смогли обеспечить долгосрочную устойчивость: валютный кризис и контроль за движением капитала, введенный при Альберто Фернандесе в 2020 г., ограничили ликвидность финансовой системы. Временное восстановление индекса до 0,24 в 2023 г. было связано с надеждами на пересмотр долговых обязательств в переговорах с МВФ.

Колумбия демонстрировала умеренный рост — от 0,21 в 1990 г. до 0,29 в 2023 г. Реформы в сфере безопасности при Альваро Урибе стабилизировали макроэкономическую среду, что способствовало развитию фондовых рынков и увеличению ПИИ в сырьевые отрасли (0,40 в 2012 г.). Однако падение цен на нефть в 2015 г. обнажило уязвимость финансовой системы, а индекс снизился до 0,23 в 2016 г. В последние годы развитие «зеленой» энергетики при администрации Густаво Петро и диверсификация экспортных рынков, в т.ч. через переговоры с ЕС, способствовали частичному восстановлению индекса. Дополнительным фактором роста стал рост финтех-сектора, особенно в Медельине.

В Чили индекс вырос с 0,18 в 1990 г. до 0,59 к 2023 г., при этом страна продемонстрировала наиболее устойчивую траекторию среди исследуемых стран. Демократические реформы 1990-х гг. и создание фондов национального

благополучия, основанных на доходах от экспорта меди, укрепили позиции Сантьяго как регионального финансового узла (0,74 в 2012 г.). Налоговая модернизация и пенсионные реформы поддержали интерес со стороны международных управляющих активами. Однако массовые протесты 2019 г. и политическая риторика о национализации литиевой промышленности в 2022 г. вызвали кратковременный спад (0,38 в 2020 г.), после чего последовало стабилизирующее восстановление.

Перспективы финансового центра Перу были ограничены политической нестабильностью, несмотря на умеренный рост с 0,04 в 1990 г. до 0,18 в 2023 г. Приватизационные инициативы Альберто Фухимори способствовали притоку капитала (0,36 в 2012 г.), однако коррупционные скандалы, включая дело Odebrecht, подорвали доверие к финансовым институтам (0,12 в 2020 г.). Несмотря на это, ориентация на рыночные реформы при Дине Болуарте и активизация экспорта меди обеспечили частичное восстановление фондового рынка Лимы, несмотря на сохраняющуюся институциональную уязвимость. Динамика развития.

Анализ динамики индекса «финансового центра» демонстрирует, что ключевыми факторами его роста являются институциональная стабильность, доступ к международным рынкам капитала и структурные реформы, способствующие либерализации финансового сектора.

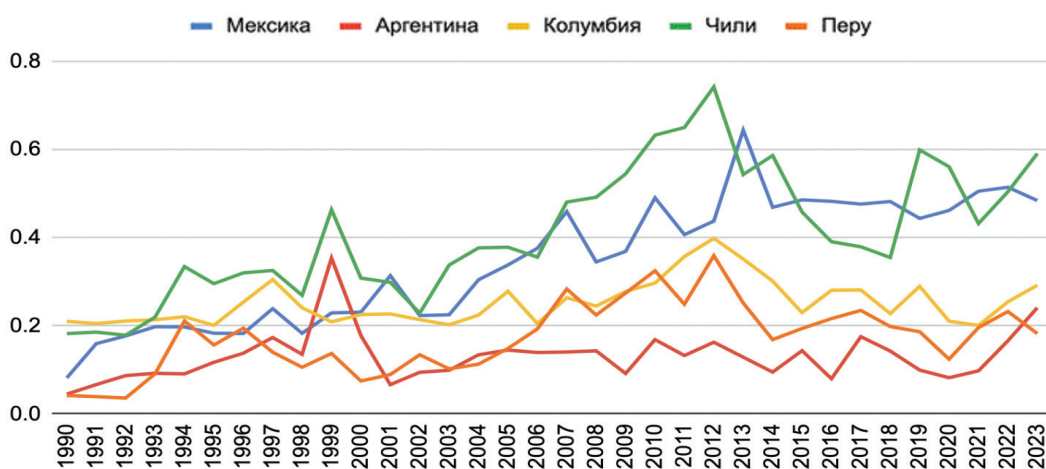

Рис. 6. Фактор финансового центра: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT²⁹; Показатели мирового развития (Всемирный банк)³⁰.

²⁹ Международная организация труда ILOSTAT // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

³⁰ Всемирный банк Показатели мирового развития // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

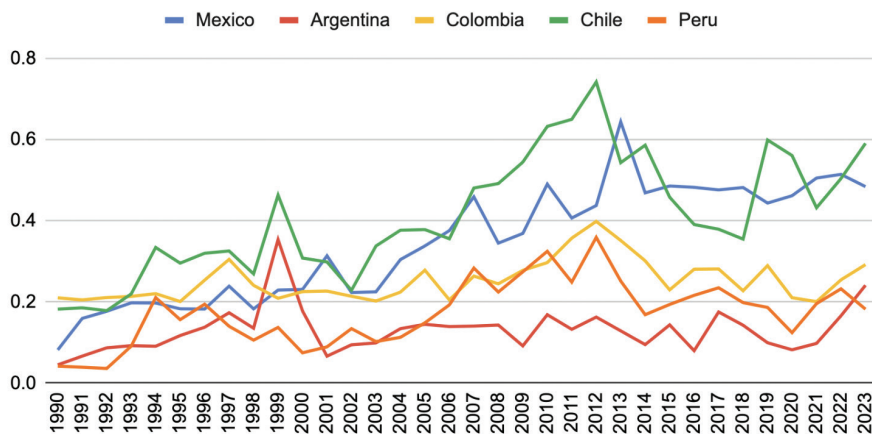

Figure 6. The Financial Center factor for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT³¹; The World Bank Group World Development Indicators³².

Фактор «объем производства»

Индекс объема производства Мексики вырос с 0,43 в 1990 г. до 0,79 к 2023 г. благодаря индустриализации и глобальной интеграции. Ратификация NAFTA в 1994 г. ускорила экспорт продукции обрабатывающей промышленности, подняв индекс до 0,51 к 1997 г. Рецессия в США в 2001 г. спровоцировала спад (0,39 в 2001 г.), однако восстановление экономики при президенте Фелипе Кальдероне (2006–2012 гг.) за счет инвестиций в инфраструктуру и роста автомобильного сектора позволило довести индекс до 0,60 к 2010 г. Политика Лопеса Обрадора, направленная на развитие ближнего зарубежья в 2018–2024 гг., усиленная соглашением USMCA и спросом, вызванным пандемией, способствовала росту производства до 0,76 к 2021 г. После 2022 г. энергетический национализм ненадолго замедлил рост, но технологический и автомобильный экспорт поддержали региональное доминирование Мексики.

В Аргентине уровень производства колебался в широких пределах: от 0,20 в 1990 г. до 0,62 в 2021 г., а затем рухнул до 0,39 к 2023 г. Приватизация, проведенная в 1990-х гг. при Менеме, стабилизировала гиперинфляцию (0,44 в 1991 г.), но дефолт 2001 г. при Де ла Руа привел к краху производства до 0,05 к 2002 г. Сырьевой бум Нестора Киришнера, вызванный выращиванием сои (2003–2007 гг.), оживил рост (0,47 в 2004 г.), однако протекционизм Кристины Фернандес (2007–2015 гг.) затормозил диверсификацию. Рыночные реформы Маурисио Макри в 2016 г. ненадолго подняли индекс производства до 0,54 в 2017 г., но гиперинфляция и введенный Альберто Фернандесом в 2020 г. контроль за движением капитала привели к краху в 2023 г.

Индекс производства Колумбии рос неравномерно — с 0,33 в 1990 г. до 0,40 к 2023 г. Конфликт с ФАРК в 1990-х гг. ограничил рост (0,17 в 1999 г.), но реформы безопасности Альваро Урибе (2002–2010 гг.) привлекли прямые иностранные инвестиции в горнодобывающую промышленность, и к 2011 г. ин-

³¹ International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT. <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025).

³² The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

декс производства достиг 0,44. Мирное соглашение 2016 г. при Хуане Мануэле Сантосе позволило перенаправить расходы на инфраструктуру (0,41 в 2016 г.), однако зависимость Ивана Дуке от нефти сделала производство уязвимым перед ценовым кризисом (0,19 в 2020 г.). Аграрные реформы Густаво Петро, начатые в 2022 г., и торговые переговоры с ЕС способствовали частичному восстановлению экономики, хотя структурные недостатки сохранялись.

В Чили сохраняется устойчивый рост производства, который увеличился с 0,29 в 1990 г. до 0,54 к 2021 г. и стабилизировался на уровне 0,32 в 2023 г. Процветание за счет добычи меди при Патрисио Эйлвине (1990–1994) и Рикардо Лагосе (2000–2006) заложило основу (0,38 в 2006 г.). Налоговые реформы Мишель Бачелет в 2014 г. положительно отразились на экономическом росте (0,40 в 2014 г.), а политика Себастьяна Пиньеры, направленная на поддержку бизнеса, в 2018 г. привела к пику производства на уровне 0,54 в 2021 г. Протесты после 2019 г. и дебаты Габриэля Борича о национализации лития в 2022 г. ослабили импульс, хотя доходы от продажи меди смягчили падение.

Индекс производства в Перу вырос с 0,12 в 1990 г. до 0,57 в 2021 г., а к 2023 г. снизился до 0,29. Приватизация горнодобывающей промышленности Альберто Фухимори в 1990-х гг. (0,48 в 1994 г.) и сырьевой бум Алана Гарсии (2006–2011 гг.) способствовали росту (0,44 в 2008 г.). Политический хаос при Педро Кастильо (2021–2022 гг.) и коррупционные скандалы (Odebrecht) сократили производство до 0,05 в 2020 г. Рыночный поворот Дины Болуарте в 2023 г. и спрос на медь оживили экспорт горнодобывающей продукции, однако институциональная нестабильность препятствовала устойчивому восстановлению.

Динамика индекса объема производства демонстрирует высокую зависимость от институциональной устойчивости, экспортной ориентации и макроэкономической политики (рис. 7).

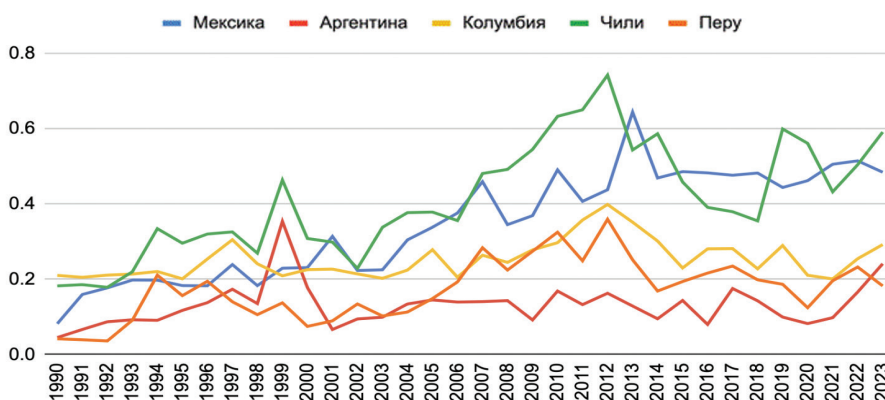

Рис. 7. Фактор объема производства: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT³³; Показатели мирового развития (Всемирный банк)³⁴.

³³ Международная организация труда ILOSTAT // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

³⁴ Всемирный банк Показатели мирового развития // databank.worldbank.org : сайт. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

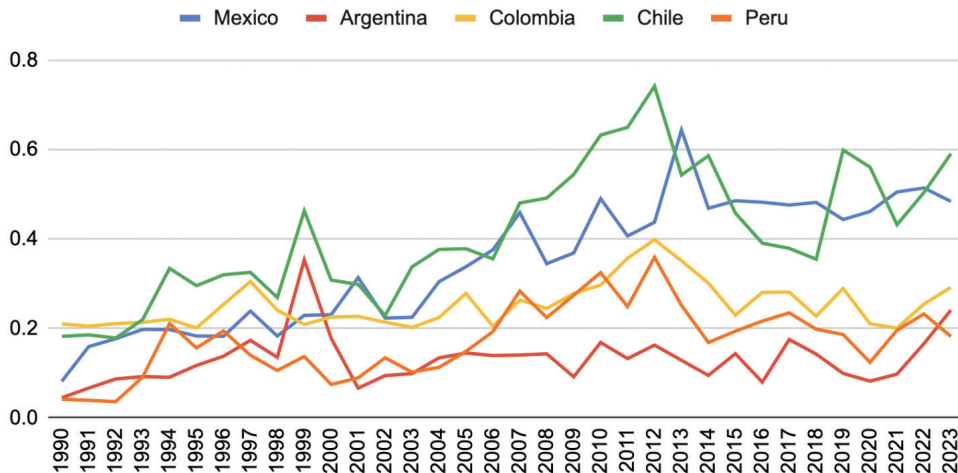

Figure 7. The Output factor for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT³⁵; The World Bank Group World Development Indicators³⁶.

Результаты исследования

Обобщая полученные данные, можно отметить, что за исследуемый период сводный индекс Мексики увеличился с 0,30 в 1990 г. до 0,60 к 2023 г., что обусловлено стратегической глобализацией и последовательной реализацией институциональных реформ. Подписание НАФТА в 1994 г. стало ключевым фактором межсекторной интеграции, способствовав росту индекса до 0,44 к 2000 г., несмотря на краткосрочное снижение в результате кризиса песо в 1995 г. (до 0,35). Реформы президента Фелипе Кальдерона (2006–2012 гг.), направленные на укрепление безопасности и развитие производственного сектора, а также либерализация энергетики и образования при президенте Энрике Пенья Ньето в 2013 г. поддержали стабильный рост. После 2018 г. националистический курс Андреса Мануэля Лопеса Обрадора в отношении стратегических ресурсов несколько замедлил динамику, однако заключение соглашения USMCA и рост спроса на высокотехнологичную и автомобильную продукцию в условиях пандемии COVID-19 способствовали сохранению лидерских позиций Мексики в регионе.

В Аргентине сводный индекс варьировался в пределах от 0,32 до 0,42, достигнув значения 0,39 к 2023 г. Приватизация при президенте Карлосе Менеме в 1990-х гг. привела к краткосрочному повышению индекса (до 0,38 к 1999 г.), однако дефолт 2001 г. (падение до 0,32) подчеркнул глубинную макроэкономическую нестабильность. Восстановление при Несторе Киршнере (2003–2007 гг.)

³⁵International Labour Organisation. (n.d.). *ILOSTAT*. URL: <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025).

³⁶The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

и Кристине Фернандес сопровождалось ростом социальных расходов (0,41 к 2015 г.), но оказалось неустойчивым. Попытки либерализации Маурисио Макри (2016–2019 гг.) были нейтрализованы гиперинфляцией, а введенные в 2020 г. Альберто Фернандесом ограничения на движение капитала и переговоры с МВФ подорвали инвестиционную привлекательность и промышленную динамику.

В Колумбии сводный индекс вырос с 0,27 до 0,44 к 2023 г., при этом основной драйвер — переход от вооруженного конфликта к институциональному развитию. Активизация вооружённого движения ФАРК в 1990-х гг. ограничивала рост, однако стратегия демократической безопасности Альваро Урибе (2002–2010 гг.) позволила привлечь значительные прямые иностранные инвестиции в горнодобывающую промышленность, повысив индекс до 0,37 к 2008 г. Мирное соглашение 2016 г., подписанное при президенте Хуане Мануэле Сантосе, перенаправило государственные ресурсы на развитие инфраструктуры и образования (0,42 в 2016 г.). В последующий период нефтяная зависимость при Иване Дуке и «зеленый» разворот Густаво Петро в 2022 г. частично компенсировали внешние риски, а рост финтех-сектора в Медельине и расширение торговых переговоров с ЕС способствовали устойчивому, хотя и умеренному, прогрессу.

Чили продемонстрировала наивысший в регионе уровень сводного индекса, увеличив его с 0,37 в 1990 г. до 0,53 в 2023 г. Демократическая консолидация после окончания авторитарного режима Пиночета и создание суверенных фондов, финансируемых за счет доходов от экспорта меди, сформировали устойчивую основу для экономического роста. Социально ориентированные реформы Мишель Бачелет (2006–2010 гг.) и бизнес-фокус политики Себастьяна Пиньеры (2018–2022 гг.) обеспечили баланс между экономическим развитием и социальной стабильностью, что привело к пиковому значению индекса в 2021 г. (0,52). Индекс Перу снизился с 0,27 до 0,33 к 2023 г., отставая из-за хаоса в управлении. Приватизация горнодобывающей промышленности Альберто Фухимори в 1990-х гг. (индекс 0,34 к 1994 г.) и сырьевой бум Алана Гарсии (2006–2011 гг.) были сведены на нет коррупционными скандалами (Odebrecht) и неустойчивой политикой Педро Кастильо в 2021–2022 гг. (падение до 0,26 в 2020 г.). Рыночный поворот президента Дины Болуарте в 2023 г. и рост спроса на медь способствовали частичному восстановлению, но институциональное недоверие препятствовало устойчивому прогрессу.

Индекс Перу снизился с 0,27 в 1990 г. до 0,33 к 2023 г., отставая от большинства стран региона из-за институциональной нестабильности. Приватизация в горнодобывающем секторе при Альберто Фухимори (0,34 к 1994 г.) и сырьевой бум в период президентства Алана Гарсии (2006–2011 гг.) обеспечили краткосрочный рост. Однако коррупционные скандалы, связанные с делом Odebrecht, и политическая нестабильность при Педро Кастильо (2021–2022 гг.) способствовали падению индекса до 0,26 в 2020 г. Хотя курс на рыночные реформы при Дине Болуарте и глобальный спрос на медь в 2023 г. активизировали экспорт, институциональное недоверие продолжает сдерживать долгосрочный рост.

Общая картина всех факторов и механизмов развития ведущих государств испаноязычной части Латинской Америки представлена на рис. 8.

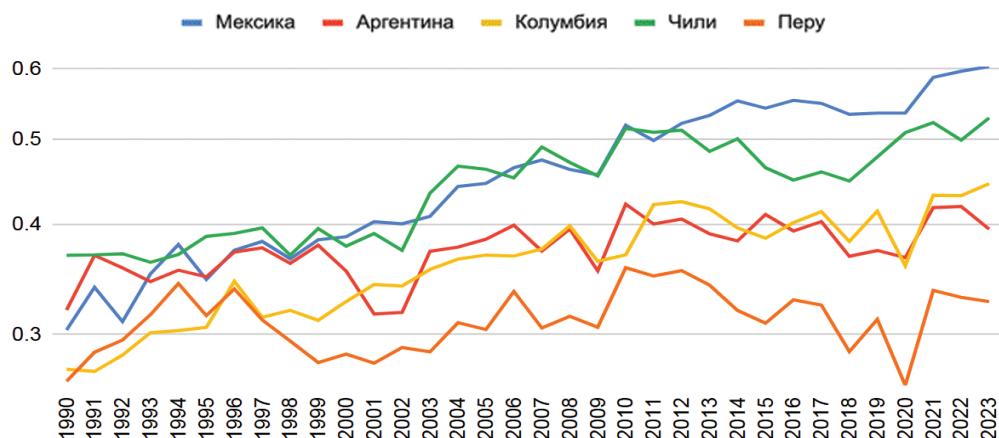

Рис. 8. Совокупность факторов: ТОП-5 стран Латинской Америки, 1990–2023 гг.

Источник: составлена Е.В. Карпиной, А.А. Воропай, Г.М. Татьянкиным по данным: Международная организация труда (н.д.) ILOSTAT³⁷; Показатели мирового развития (Всемирный банк)³⁸.

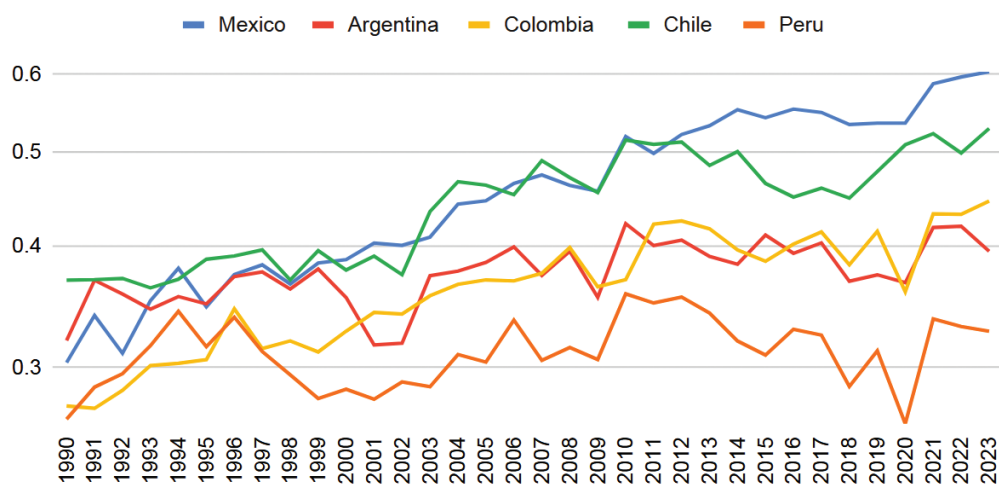

Figure 8. All the factors for TOP-5 Latin American countries, 1990–2023

Source: compiled by E.V. Karpina, A.A. Voropai, G.M. Tatyankin based on data from International Labour Organisation. (n.d.). ILOSTAT³⁹; The World Bank Group World Development Indicators⁴⁰.

Сводный график демонстрирует различные подходы к укреплению своих финансовых и производственных секторов. А именно: Мексика, Чили и Колумбия, несмотря на вызовы, смогли поддерживать рост, благодаря удачным реформам

³⁷ Международная организация труда ILOSTAT // ilostat.ilo.org : сайт. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 20.06.2025).

³⁸ Всемирный банк Показатели мирового развития // databank.worldbank.org : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

³⁹ International Labour Organisation. (n.d.). *ILOSTAT*. <https://ilostat.ilo.org> (accessed: 20.06.2025).

⁴⁰ The World Bank Group. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.06.2025).

и стратегическим инвестициям в ключевые отрасли, такие как энергетика и финтех. В то время как Аргентина и Перу сталкиваются с более выраженными проблемами, связанными с коррупцией, политическими кризисами и внешними экономическими потрясениями, что сдерживает их долгосрочный рост.

Заключение

Адаптация теоретической модели Р. Далио (Dalio, 2021) к условиям испаноязычных стран Латинской Америки позволила выделить как универсальные, так и регионально специфичные детерминанты лидерства. В странах с динамичным экономическим ростом, таких как Мексика, Аргентина, Чили и Перу, важными факторами, влияющими на лидерство, являются образовательные реформы, ориентированные на расширение доступа к образованию и улучшение его качества, а также торговые преобразования, способствующие росту внешней торговли. Однако нестабильность политической и экономической ситуации в некоторых странах, таких как Аргентина и Перу, ограничивает эффективность этих реформ, несмотря на их значимость.

В странах с более стабильной экономикой и политическим климатом наблюдается более высокий уровень технологических инноваций. Военный фактор варьируется в зависимости от внутренней политической ситуации: в странах с длительными внутренними конфликтами, таких как Колумбия, роль армии продолжает оставаться значимой, в то время как в Мексике армия активно вовлечена в борьбу с организованной преступностью. В других странах региона, например, в Чили, влияние военных ограничено в силу демократических преобразований и гражданского контроля.

Динамика индекса конкурентоспособности подтверждает, что политическая стабильность, макроэкономические решения и внешнеэкономические факторы играют решающую роль в привлечении инвестиций. Формирование эффективного финансового центра требует макроэкономической стабильности, прозрачности, а также диверсификации экономики. Устойчивое промышленное развитие во многом зависит от институциональной консолидации, диверсификации внешней торговли и предсказуемости экономической политики.

Таким образом, ключевыми детерминантами лидерства в регионе являются: образование (особенно в Аргентине и Чили), международная торговля (особенно в Мексике и Чили) и промышленное производство (Мексика как лидер в этом секторе). При этом факторы, такие как наличие глобальных финансовых центров и резервной валюты, остаются слабыми звеньями в развитии региона, в то время как военная составляющая продолжает иметь значимость в странах с историческими внутренними конфликтами, как, например, в Колумбии.

Полученные выводы могут быть использованы для разработки стратегий, направленных на усиление лидерских позиций стран региона:

1. Мексика: рекомендуется продолжить стратегию индустриализации с акцентом на развитие цифровых кластеров и улучшение судебной защиты инвесторов.

2. Аргентина: необходимо стабилизировать макроэкономическую политику и провести реформу валютного регулирования для восстановления доверия инвесторов.

3. Колумбия: важным направлением является развитие зелёной энергетики и расширение программ профессионального образования в сельских районах.

4. Чили: необходимо усилить механизмы регулирования литиевого сектора и стимулировать развитие ИТ-стартапов на базе существующей финансовой инфраструктуры.

5. Перу: требуется институциональное укрепление и проведение реформ в области антикоррупционного законодательства для повышения предсказуемости экономической политики.

В числе ключевых направлений применения полученных выводов следует выделить:

1) разработку образовательных стратегий, что поможет не только повысить конкурентоспособность на международной арене, но и развить человеческий капитал, который является основой для дальнейшего экономического роста и инноваций;

2) торговую и внешнеэкономическую политику, которая включает активную работу над диверсификацией экономик, чтобы снизить зависимость от отдельных секторов, таких как нефть или сельское хозяйство;

3) инновации и технологическое развитие: для поддержания лидерства необходимо инвестировать в исследования и разработки, улучшение инфраструктуры для технологий, а также стимулирование частного сектора к внедрению инноваций;

4) развитие финансовых центров: несмотря на слабое присутствие глобальных финансовых центров в регионе, страны, такие как Мексика, могут использовать потенциал финансовой инфраструктуры для привлечения инвестиций и укрепления своих позиций в мировой экономике.

Подводя итог, можно утверждать, что интеграция теоретических подходов и многофакторный анализ позволили выявить как универсальные, так и специфические для региона механизмы устойчивого лидерства. Полученные результаты предоставляют основу для разработки национальных стратегий развития, учитывающих исторические и институциональные особенности каждой страны.

Список литературы

- Борзова А.Ю., Павлова М.П. Сотрудничество стран Латинской Америки и Карибского бассейна по поддержанию устойчивого развития региона // Латинская Америка. 2019. № 8. С. 47–60. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0005579-5> EDN: NQMLZY
- Корнекова С.Ю., Махновский Д.Е. Страны Латинской Америки в системе внешнеэкономических связей современного мирового хозяйства // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 6. С. 54–68. <https://doi.org/10.31857/s0869607120060038> EDN: UXTCGV

- Симонова Л.Н. Латинская Америка на мировом рынке услуг // Латинская Америка. 2020. № 6. С. 11–22. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0009589-6> EDN: PSVTEI
- Тайар В. Латинская Америка: итоги и перспективы развития // Латинская Америка. 2019. № 6. С. 100–106. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0005103-2> EDN: RNBRCK
- Хейфец В.Л., Правдюк Д.А. Деятельность МВФ в Латинской Америке в XXI веке: поиск новой парадигмы взаимоотношений // Латинская Америка. 2020. № 10. С. 54–67. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0011331-3> EDN: VWLTIX
- Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. Crown Business, 2012.
- Alesina A., Rodrik D. Distributive politics and economic growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1994. Т. 109. № 2. С. 465–490. <https://doi.org/10.2307/2118470> EDN: BTPUDL
- Dalio R. *The changing world order: why nations succeed and fail*. Bridgewater Associates, LP, 2021.
- Frankel J.A. Globalization of the economy // *International encyclopedia of the social & behavioral sciences* / ed. By N.J. Smelser, P.B. Baltes. Elsevier, 2010. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-043076-8.00094-0>
- Ikenberry G.J. Liberal Internationalism 3.0: America and the Dilemmas of Liberal World Order // *Perspectives on Politics*. 2009. Vol. 7. № 1. С. 71–87. <https://doi.org/10.1017/S1537592709090102>
- Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence*. Longman, 2001.
- Luttwak E.N. From geopolitics to geo-economics: logic of conflict, grammar of commerce // *The National Interest*. 1990. № 20. С. 17–23.
- Mackinder H.J. The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. Т. 23. № 4. С. 421–437. <https://doi.org/10.2307/1775498>
- Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. W.W. Norton & Company, 2001.
- Miriam S. New mechanisms of global economic leadership // *Journal of International Economics*. 2020. Vol. 50. № 2. С. 123–136. <https://doi.org/10.1007/s11811-020-00476-3>
- Nye J.S. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004.
- O'Donnell G. Delegative democracy // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. № 1. С. 55–69. <https://doi.org/10.1353/jod.1994.0010> EDN: HIMFTD
- Ocampo J.A. Latin America and the global financial crisis // *The World Economy*. 2012. Vol. 35. № 12. С. 1659–1678. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2012.01534.x>
- Rodrik D. *The globalization paradox: why global markets, states, and democracy can't coexist*. W.W. Norton & Company, 2011. EDN: 9780393071610
- Rojas M.P. Political stability and economic performance in Latin America // *Economics & Politics*. 2015. Vol. 27. № 3. С. 443–468. <https://doi.org/10.1111/ecpo.12052>
- Schneider B.R. *Hierarchical capitalism in Latin America: business, labor, and the challenge of equitable development*. Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107300446> EDN: UQCBGJ
- Spykman N.J. *America's strategy in world politics: the United States and the balance of power*. Routledge, 2007. <https://doi.org/10.4324/9781315082431>
- Weyland K. Neoliberalism and democracy in Latin America: a mixed record // *Latin American Politics and Society*. 2004. Vol. 46. № 1. С. 135–157. <https://doi.org/10.1111/j.1548-2456.2004.tb00268.x>

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J.A. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Crown Business.

- Alesina, A., & Rodrik, D. (1994). Distributive politics and economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 109(2), 465–490. <https://doi.org/10.2307/2118470> EDN: BTPUDL
- Borzova, A.Y., & Pavlova, M.P. (2019). Cooperation of Latin American and Caribbean countries in promoting sustainable development in the region. *Latinskaya Amerika*, (8), 47–60. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0005579-5> EDN: NQMLZY
- Dalio, R. (2021). *The changing world order: Why Nations Succeed and Fail*. Bridgewater Associates, LP.
- Frankel, J.A. (2010). Globalization of the economy. In N.J. Smelser & P.B. Baltes (Eds.), *International encyclopedia of the social & behavioral sciences*. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-043076-8.00094-0>
- Ikenberry, G.J. (2009). Liberal internationalism 3.0: America and the dilemmas of liberal world order. *Perspectives on Politics*, 7(1), 71–87. <https://doi.org/10.1017/S1537592709090102>
- Keohane, R.O., & Nye, J.S. (2001). *Power and Interdependence*. (3rd ed.). Longman.
- Kheyfets, V.L., & Pravdyuk, D.A. (2020). IMF activity in Latin America in the 21st century: Searching for a new paradigm of relations. *Latinskaya Amerika*, (10), 54–67. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0011331-3> EDN: VWLTIX
- Kornekova, S.Y., & Makhnovsky, D.E. (2020). Latin American countries in the system of foreign economic relations of the modern world economy. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 152(6), 54–68. <https://doi.org/10.31857/s0869607120060038> EDN: UXTCGV
- Luttwak, E.N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest*, (20), 17–23.
- Mackinder, H.J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, 23(4), 421–437. <https://doi.org/10.2307/1775498>
- Mearsheimer, J.J. (2001). *The tragedy of great power politics*. W.W. Norton & Company.
- Miriam, S. (2020). New mechanisms of global economic leadership. *Journal of International Economics*, 50(2), 123–136. <https://doi.org/10.1007/s11811-020-00476-3>
- Nye, J.S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs.
- O'Donnell, G. (1994). Delegative democracy. *Journal of Democracy*, 5(1), 55–69. <https://doi.org/10.1353/jod.1994.0010> EDN: HIMFTD
- Ocampo, J.A. (2012). Latin America and the global financial crisis. *The World Economy*, 35(12), 1659–1678. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2012.01534.x>
- Rodrik, D. (2011). *The globalization paradox: Why global markets, states, and democracy can't coexist*. W.W. Norton & Company.
- Rojas, M.P. (2015). Political stability and economic performance in Latin America. *Economics & Politics*, 27(3), 443–468. <https://doi.org/10.1111/ecpo.12052>
- Schneider, B.R. (2013). *Hierarchical capitalism in Latin America: Business, labor, and the challenge of equitable development*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107300446> EDN: UQCBGJ
- Simonova, L.N. (2020). Latin America in the global service market. *Latinskaya Amerika*, (6), 11–22. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0009589-6> EDN: PSVTEI
- Spykman, N.J. (2007). America's strategy in world politics: The United States and the balance of power. *Routledge*. <https://doi.org/10.4324/9781315082431>
- Tayar, V. (2019). Latin America: Results and prospects for development. *Latinskaya Amerika*, (6), 100–106. <https://doi.org/10.31857/s0044748x0005103-2> EDN: RNBRCK
- Weyland, K. (2004). Neoliberalism and democracy in Latin America: A mixed record. *Latin American Politics and Society*, 46(1), 135–157. <https://doi.org/10.1111/j.1548-2456.2004.tb00268.x>

Сведения об авторах / Bio notes

Карпина Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, факультет «Школа иностранных языков», НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 115184, Москва, ул. М. Ордынка, д. 17. ORCID: 0000-0001-8008-2453. SPIN-код: 9146-8792. E-mail: ekarpina@hse.ru

Elena V. Karpina, PhD, associate professor, Leading Researcher, The HSE School of Foreign Languages, National Research University “Higher School of Economics”, 17 M. Ordynka, Moscow, 115184, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8008-2453. SPIN-code: 9146-8792. E-mail: ekarpina@hse.ru

Воропай Андрей Андреевич, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории политической географии и современной геополитики, НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 115184, Москва, ул. М. Ордынка, д. 17. ORCID: 0009-0008-6670-3338. E-mail: avoropay@hse.ru

Andrei A. Voropai, Intern Researcher at the Laboratory for political geography and contemporary geopolitics, National Research University “Higher School of Economics”, 17 M. Ordynka, Moscow, 115184, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-6670-3338. E-mail: avoropay@hse.ru

Татьянкин Георгий Максимович, стажер-исследователь лаборатории математического моделирования, НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 115184, Москва, ул. М. Ордынка, д. 17. ORCID: 0009-0007-2379-6776. E-mail: gtatyankin@bk.ru

Georgiy M. Tatyankin, Intern Researcher at the Laboratory for Mathematical modeling, National Research University “Higher School of Economics”, 17 M. Ordynka, Moscow, 115184, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-2379-6776. E-mail: gtatyankin@bk.ru